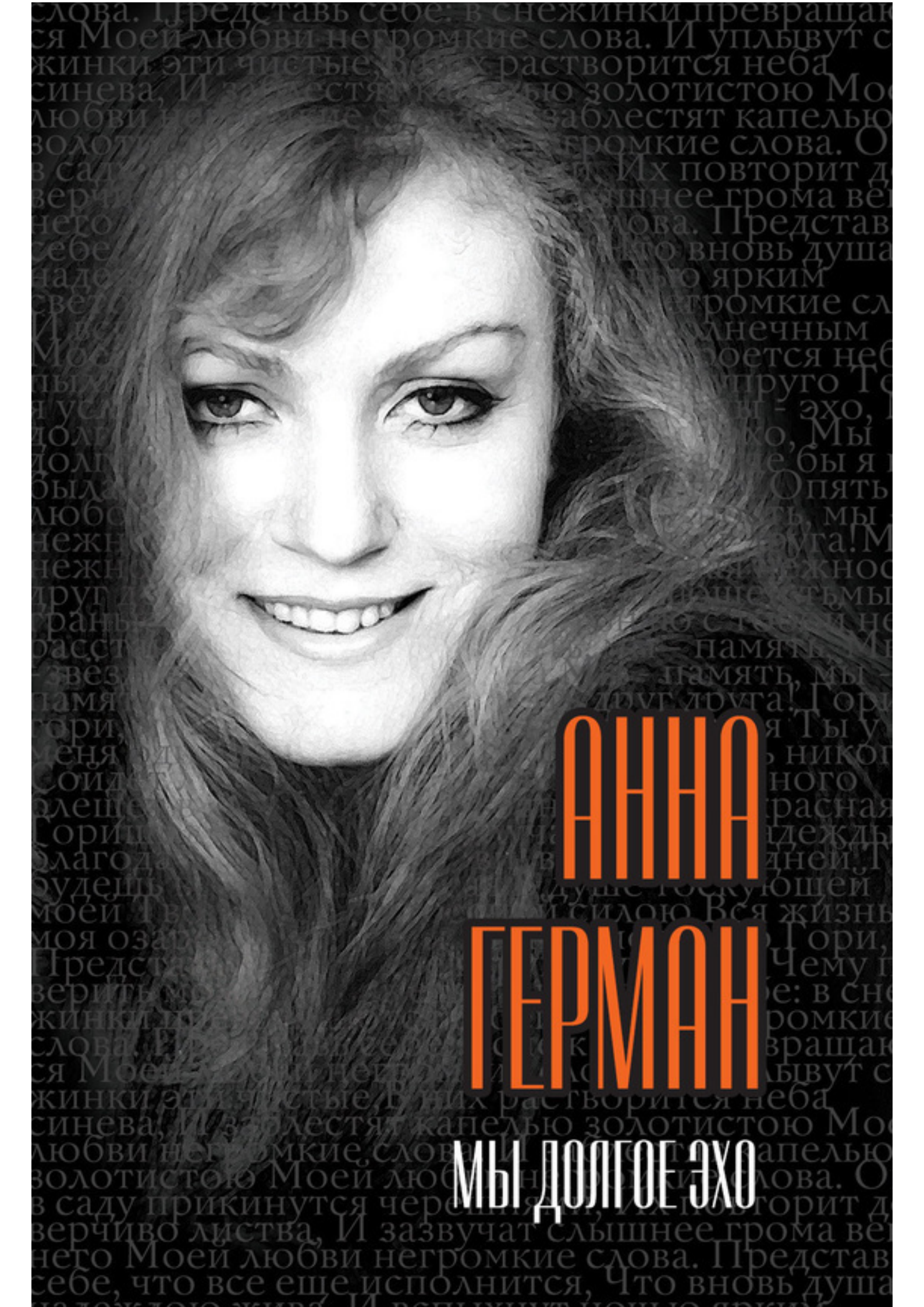

АННА

ГЕРМАН

МЫ ДОЛГОЕ ЭХО

Легенды авторской песни

Анна Герман
Мы долгое эхо

«Алгоритм»

2012

Герман А.

Мы долгое эхо / А. Герман — «Алгоритм», 2012 — (Легенды авторской песни)

Перед вами – исповедальная автобиография Анны Герман, долгие годы одной из самых любимых в нашей стране певиц, в основу которой положены авторские тексты, интервью советским и польским журналистам. В книге также публикуются воспоминания матери певицы, пани Ирмы Мартенс, близких друзей. Раскрывая незабываемую артистку как яркую личность и талантливого человека, прошедшего через тяжелые испытания судьбы, она адресована самому широкому кругу читателей, прежде всего из числа ее многочисленных поклонников.

© Герман А., 2012

© Алгоритм, 2012

Содержание

Звезда минувших дней	6
Вернись в Сорренто?..	8
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Анна Герман

Мы долгое эхо

© Ильичев И.М., составление, 2012

© ООО «Издательство Алгоритм», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Светлой памяти Анны Николаевны Качалиной – самой близкой подруги Анны Герман

Звезда минувших дней

От составителя

*Гори, гори, моя звезда,
Звезда любви приветная,
Ты у меня одна заветная,
Другой не будет никогда.*

*Звезда любви, звезда волшебная,
Звезда моих минувших дней,
Ты будешь вечно неизменная
В душе измученной моей.*

*Лучей твоих неясной силою
Вся жизнь моя озарена.
Умру ли я – ты над могилою
Гори, сияй, моя звезда...*

Стихи Василия Чувского
Музыка Петра Булахова

«У каждого человека есть своя звезда. Моя звезда – песня», – говорила во многих интервью Анна Герман.

Ее судьба – яркий пример того, как человек приносит свой дар в жертву людям. Ее неземной красоты голос любим миллионами людей во всем мире. Это необыкновенное явление в истории мировой музыки. Воздействие, которое оказывало и продолжает оказывать пение Анны Герман на людей, сравнимо лишь с воздействием высшего чувства. Ее голос действует подсознательно, пробуждая в душе необъяснимые словами порывы и вибрации. Именно благодаря песне, благодаря звукозаписи, многие поколения имеют возможность наслаждаться этим волшебным творчеством, становясь духовно богаче, мудрее, добрее и честнее.

Эта книга дарит почитателям таланта Анны Герман возможность познакомиться с литературным трудом певицы. Биографическая повесть «Вернись в Сорренто?..» была написана в трудный период жизни Анны, в 1969 году. После трагической автокатастрофы в 1967-м в Италии Анне потребовалось два с половиной года, чтобы вернуться к жизни и вновь выйти на сцену. В этом ей помогла работа над своими воспоминаниями. Впервые читателю предоставляется возможность ознакомиться с их полным текстом, без сокращений и цензуры, которым книга подверглась при издании в СССР в 1987 году.

«Сказка о быстрокрылом скворце» – уникальная находка в домашнем архиве Анны Герман в Варшаве. Эту сказку Анна написала незадолго до ухода из жизни для своего сыночка Збышека. Более двадцати лет о существовании этого удивительного произведения никто и не подозревал, пока случайно не был обнаружен его текст.

В книгу также включены избранные интервью Анны Герман, публиковавшиеся в советской и польской прессе в разные годы. Особую ценность представляет интервью 1979 года эстонскому журналисту Антсу Паю. Это единственное интервью в жизни Анны Герман, имеющее характер исповеди.

Эссе «Анна Герман» авторства Анастасии Ивановны Цветаевой (родной сестры Марины Цветаевой) позволяет нам более глубоко раскрыть внутреннюю суть творчества артистки. Слог

Анастасии Ивановны всегда отличался своим изяществом, а в отношении к Анне Герман чувствуется особенная любовь и интерес автора к певице.

В книгу также вошли интервью Анны Герман советским и польским журналистам – Лии Спадони из Ленинграда, Аркадию Бржозовскому из Минска, Илье Окуневу из Москвы и др.

На страницах книги читатель познакомится с теплыми воспоминаниями об Анне Герман ее друзей – Александра Жигарева, архимандрита Виктора (Мамонтова), монахини Екатерины (Алексеевой).

Весьма интересными для российского читателя окажутся воспоминания матери певицы, которыми она поделилась со Збигневом Ендрыховским, исследователем творчества Анны Герман из Вроцлава.

Главная задача этой книги – через слово самой Анны Герман, ее друзей познакомить читателя с личностью и внутренним миром певицы.

Как автор-составитель книги, хочу выразить благодарность семье Анны Герман – Збигневу-Антонию Тухольскому (мужу Анны), Збигневу-Иварру Тухольскому (сыну Анны), а также Анне Николаевне Качалиной, монахине Екатерине Алексеевой, Лии Леонидовне Спадони, Ольге Чернятьевой, Збигневу Ендрыховскому, Ольге Ивасенко, Витольду Боревичу и всем поклонникам певицы, кто поддерживал и вдохновлял это издание.

Иван Ильичев

Вернись в Сорренто?..

Биографические записки

Моей матери

*В осенний сад зовут меня
Воспоминания мои...
Горит оранжевый наряд,
И воздух свеж, и журавли курлычут
в небе...*

*И кажется, что мы с тобой
Не расставались никогда.
Ты словно солнце и вода
Живешь со мной не разлучаясь...*

*И так подряд уж много лет,
Когда приходит осень вновь,
Хочу найти затихший сад,
Чтоб все мечты и всю любовь
вернула Память...*

*И голос твой услышу вдруг.
Слова, как теплые огни
Зовут меня в былые дни.
Мне не забыть тебя.
Я знаю...*

Владимир Сергеев. «Осенняя песня»

Дорогие читатели!

На протяжении тех пяти бесконечно долгих месяцев, что мне пришлось лежать в гипсовой скорлупе, а также многих последующих месяцев, когда я лежала в постели уже без гипса, я неоднократно клялась себе, что больше ни за что не вернусь в Италию и даже не буду вспоминать о ней.

Решение это родилось у меня еще там, в Италии, когда ко мне впервые полностью вернулось сознание. Строго говоря, это произошло на седьмой день после катастрофы, однако действительность возвращалась ко мне лишь эпизодически. Так что в минуты прояснения, отдавая себе отчет, что со мной случилось и где я нахожусь, я утешала себя, бормоча: «Никогда больше сюда не приеду». После чего – в зависимости от душевного состояния, от того, насколько острой или уж совсем нестерпимой становилась боль, – я отпускала несколько не очень лестных эпитетов в адрес Апеннинского полуострова и уровня моторизации, которого достигли его жители.

Тут я должна сделать маленькое отступление.

Я не большая охотница до так называемых «крепких» словечек. Это явный просчет в моем воспитании. Моя бабушка повинна в том, что я не умею (и – что еще хуже – не люблю) пить, курить и употреблять сильные выражения.

Считаю это признаком недостаточно развитой фантазии. Однако не хочу выступать в роли моралистки – готова согласиться даже, что подобные привычки в определенных обстоятельствах действуют успокоительно, а порой прибегнуть к ним просто необходимо.

К безграничному изумлению моей мамы, моего жениха (и, не веря собственным ушам), в самую тяжелую минуту я могла произнести все эти сильные выражения, которые когда-либо слышала или вычитала из книг, – совершенно запросто, подряд, без сколько-нибудь логической связи. А если произнесенный монолог не доставлял желанного облегчения – в силу недостаточного профессионализма в этой области, – то повторяла все «da capo al fine» (с начала до конца. – *Ред.*).

Неприязнь к богатой песнями Италии преследовала меня столь упорно, что в конце концов мне удалось убедить маму в необходимости перевезти меня в Польшу – и буквально в чем была. Прошу прощения – в чем лежала. В гипсе до самых ушей, полностью отданная на милость окружающих. Это удалось, о чем будет сказано ниже.

Теперь я хочу объяснить, почему я все-таки пишу, возвращаясь памятью к тем дням.

Как во время моего пребывания в трех итальянских больницах, так и позднее в Польше, я получала и продолжаю получать массу писем от незнакомых людей, которые искренне сочувствуют мне в связи с постигшей меня бедой. Я не в состоянии ответить на все письма, даже если бы очень хотела.

Кроме того, до меня время от времени доходят невероятные слухи о себе самой. Удивляться тут нечему – я знаю, что они вызваны отсутствием верной информации и неподдельной доброжелательностью. Вот я и подумала, что мой долг перед слушателями – вернуться к моим итальянским впечатлениям.

Я решила описать все, что помню, и при этом как можно точнее и правдивее, имея в виду, что в Польше, пожалуй, немного найдется людей, у которых не было бы собственного мнения относительно песни и всего с ней связанного.

Возможно, мои заметки прочитают и те, кто не дарил меня своим расположением; пусть они воспримут в этом случае мой отчет как обыкновенный репортаж о путешествии.

Главным поводом для открытого письма моим слушателям является прежде всего чувство признательности тем, кто мысленно был со мной рядом в это трудное для меня время.

Мою задачу облегчает то, что я нахожусь далеко от Италии, дома, среди близких и друзей.

Хотя мой контракт действителен до конца 1969 года, никто не может потребовать от меня, чтобы я вернулась к работе, вернулась в Италию петь – уже по одной той причине, что мне еще нельзя петь и понадобится много времени, чтобы полностью восстановить здоровье. А потому мой корабль стоит на якоре в родном порту, где меня не могут настигнуть штормы. Вот отчего я так расхрабрилась! И все же я прошу о снисхождении. Правда, в школе у меня по польскому была пятерка, но с этой поры мои контакты с пером и бумагой ограничивались лишь письмами, написанными чаще в отчаянном тоне. Так что даже чувство юмора оказалось во мне загипсованным. Но зато все мои высказывания будут откровенными, как в письмах к маме, без примеси хвастовства, без малейшего оттенка саморекламы. Для рекламных целей мне вполне хватило самой катастрофы.

Анна Герман

Варшава, июль 1969 года

Октябрь 1966 года был на редкость теплым и солнечным. Я сидела в своем номере в гостинице «Варшава», набрасывая в блокноте перечень дел на завтра. Их набралось ужасно много.

Поскольку в Варшаве у меня не было квартиры (ее, впрочем, нет до сих пор), я всегда стремилась как можно быстрее закончить самые неотложные дела, чтобы тем самым свести

свое пребывание в гостиницах до минимума. Разумеется, из финансовых соображений. Существенную часть моих гонораров поглощали счета варшавских гостиниц.

Мои раздумья – успею ли я за час доехать до радиокомитета и обратно – прервал телефонный звонок. Я взяла трубку и услышала мужской голос, обладатель которого проинформировал меня, что звонит из Милана, что будет в Варшаве через несколько дней, и осведомился, не хотела ли бы я подписать договор на три года с миланской студией грамзаписи CDI.

Выслушивая все это, я лихорадочно перебирала в уме имена своих знакомых, силясь отгадать, кто же автор розыгрыша. В конце концов, решила, что это никто иной как один мой приятель Болек Громницкий. Видимо, он приехал в Варшаву и теперь, пользуясь своим непостижимым для нас, простых смертных, даром перевоплощения, развлекается, дурача знакомых. Помню, как во время поездки нашей группы, состоящей из тридцати человек, в США и Канаду он уже на «Батории» именно таким образом использовал телефон, умудряясь не нарваться при этом на «сильные» выражения. Я и сама не раз становилась его жертвой. Следует отметить, что иностранные языки вовсе не представляли для него трудности – если в том возникала необходимость, Болусь Громницкий мог изъясняться на любом языке.

Итак, я не поддавалась, посмеиваясь и уверяя, разумеется, по-польски, что на сей раз ему меня не провести. Однако уже в следующую минуту я с изумлением обнаружила, что на другом конце провода меня в самом деле совершенно не понимают. Чему же удивляться, если это был настоящий итальянец, не знавший ни одного польского слова! (Да простит меня мой приятель Громницкий за несправедливые подозрения).

Спустя несколько дней действительно прилетел господин Пьетро Карриаджи – лысеющий блондин, но истинный итальянец, владелец студии грампластинок «Compania diskografica Italiana» (CDI), которая и предлагала мне работу.

Во время нашей официальной беседы при участии заместителя директора «Пагарта» (Пагарт – ведомство, занимавшееся в Польше заграничными гастрольями артистов. – *Ред.*) пана Владислава Якубовского господин Карриаджи старался в самом радужном свете обрисовать перспективу, которая ожидает меня в Италии, а именно в его студии. Он счел возможным прибегнуть даже к рекламным приемам, уверяя, что в его студии записывались такие знаменитости, как Марио дель Монако.

Позднее оказалось, что знаменитости являются как бы общенациональной собственностью и закон о принадлежности к какой-нибудь одной студии на них совершенно не распространяется. Они могут записываться всюду, даже в такой незначительной студии, как CDI. Студия же записывает их для рекламы и платит за это изрядную сумму. Но я ни о чем не подозревала, подумав: «Ого, сам Марио дель Монако! Стало быть, это солидная фирма, котирующаяся на итальянском рынке».

Однако повлиял на мое решение иной довод. Я всегда питала слабость к итальянским песням: у них красивые мелодии и их легко петь на итальянском. Перед тем как позвонил господин Карриаджи, я уже недели две оттягивала подписание договора с западногерманской фирмой грампластинок «Esplanade».

В конце концов, я выбрала Милан.

Надо, пожалуй, упомянуть, как вышло, что мне позвонили из Милана. Редактор одной из наших радиостудий поддерживает постоянные контакты с итальянскими студиями, которые присылают ему новинки из Италии. В ответ пан редактор шлет им польские пластинки. В числе других дисков оказался и мой, долгоиграющий, записанный в студии «Polskie nagrania». Пластинка понравилась, а моя кандидатура, как я узнала позже, прошла единогласно.

Дело в том, что Пьетро Карриаджи управляет своей фирмой сам, без компаньонов. У него работают около двадцати человек, в том числе его брат и отец. Своего положения Пьетро, несомненно, достиг благодаря таким чертам характера, как выдержка, решительность, оперативность и жесткость в сочетании со склонностью к диктатуре. Удивляться тут нечему, ибо

тяжела жизнь бизнесмена в непрерывной конкурентной борьбе за выживание, за рынок – за все! Но Пьетро порой может быть великодушным и очень гордится, видя признание со стороны своих близких. С этой целью он позволяет высказываться по вопросам музыки даже портье и уборщицам. А иногда считается с их мнением.

Между прочим, в данном случае он твердо уверен, что ничем не рискует, поскольку эти простые люди высказывают, как правило, и объективную оценку. Так было и в тот день, когда пришла моя пластинка. К общему «да» присоединила свой голос также самая значительная особа в этом замкнутом мирке – худенькая, милая, исполненная доброты пожилая дама, глава клана синьора Ванда Карриаджи.

Начались приготовления к моей первой поездке в Милан. Времени было, в общем, мало-вато; итак, еще одно собственноручно сшитое платье, несколько экземпляров нот, новый итальянско-польский словарь с правилами грамматики...

Наступил день отъезда. Последняя прощальная улыбка из-за стеклянных дверей в Окенче... (Окенче – варшавский аэропорт. – *Ред.*)

В миланском аэропорту мы приземлились поздно вечером. Там меня уже поджидали. После обмена приветствиями Пьетро представил мне молодого человека по имени Рануччо Бастони, который с той минуты должен был стать моим личным импресарио.

– Рануччо – журналист, – заявил Пьетро. – Он будет сопровождать тебя в течение всего дня на все встречи, будет отвозить тебя, привозить обратно и заботиться обо всем, что касается твоего паблисити в Италии.

Это звучало довольно утешительно. Правда, меня несколько огорчил тот факт, что журналист не владеет никаким иностранным языком. «Ну ладно, по крайней мере буду не одна», – подумала я.

Мы поехали в гостиницу. Однако я не успела ни оглядеться, ни отдохнуть с дороги. Оказалось, что уже на следующий день мне предстоит важная встреча с журналистами на знаменитой Terazza Martini и следует должным образом подготовиться к этой встрече.

Начались посещения домов моды (тех, что еще были открыты в этот поздний час). Я с тревогой заметила, что мне подыскивается платье для коктейля длиной не ниже чем до середины бедра. В Польше самые смелые девушки уже давно носили платья такой длины, но я все еще не решалась. Вовсе не потому, что мне было не по душе изобретение Мэри Квант. Напротив! Могла ли, однако, я, испытывающая постоянный стресс вследствие иронии окружающих по поводу моего роста, позволить себе туалет, который, подобно магниту, притягивал бы взоры прохожих и тем увеличивал бы мои страдания?

«Нет, такой мазохисткой я ни за что не стану, даже ради искусства», – подумала я и робко предложила пойти в своем маленьком черном платье. Это было сочтено милой шуткой, и мне притащили очередную охапку туалетов. (Позже мое «маленькое черное» было полностью реабилитировано.)

Во избежание неясностей и недомолвок приведу, пожалуй, мои «параметры». Рост 184 см, а все остальное – во вполне удовлетворительной пропорции. Итальянки же в массе своей невысокие.

Если бы все это происходило в Швеции, Англии, Америке или Голландии, то до 23.00 я непременно подыскала бы что-нибудь подходящее, но я была в Италии, и мои мучения возрастали с каждым потерянным часом. Наконец, уже после полуночи, еле держась на ногах от усталости, я решилась на небольшой шантаж.

– Или вот это платье, или пойду в своем собственном!

Мои спутники тоже были утомлены и потому согласились на платье из джерси кораллового цвета и французские серебряные туфли. Французские – ибо у меня 40-й размер, а среди итальянских такого просто нет, то есть имеются, но в действительности соответствуют нашему

39-му. Поверх всего полагалось накинуть пальтецо из искусственного меха розоватого оттенка. Именно только накинуть, ибо надеть его как следует я попросту не могла. Оно было мне узко в плечах, а рукава короткие. Волосы мне велено было распустить, но, поскольку они у меня выются от природы, пришлось долго «распрямлять» их в парикмахерской. Но и без того я чувствовала себя как Офелия в сцене безумия. Садясь на следующий день в машину в этом абсолютном «снаряжении», я с чувством какой-то растерянности, удрученно подумала: «Ну, к чему все это? Для кого?»

Подразумевалось, что для меня. Но я многое дала бы тогда за то, чтобы отправиться на эту встречу одетой в свое собственное платье, а волосы заплести в косу, перекинув ее на спину, – такая прическа, кстати, в тот сезон была очень модной.

Нет, та девушка в розовом, с улыбкой позирующая для снимков, раздающая автографы, – это была не я.

Довольно скоро я почувствовала себя как боксер на ринге, которому грозит неминуемый нокаут, а до конца раунда еще невероятно долго.

Требовалось непрерывно отражать удары противника, то есть давать интервью на нескольких языках представителям газет и журналов, не допускать возникновения напряженной атмосферы, когда речь заходила о политических проблемах, отвечать на глупые и провокационные вопросы шуткой. Шутка – мое безотказное оружие, к которому я часто прибегала, поскольку искренность, правдивость нередко трактовались превратно, приводя к прямо противоположному результату. Приятной стороной этой встречи было знакомство со многими интересными людьми – музыкантами, композиторами, актерами. Присутствовал там и представитель нашего консульства в Милане.

В продолжение всей встречи из безупречно действующих репродукторов, размещенных так умело, что их совсем не было заметно, негромко звучали мелодии моих песен с польской пластинки. Это было как бы знаменем, смысл которого я тогда еще не понимала. Кончилось, мол, время, когда ты могла распевать. Теперь пение перестало быть самым важным делом, а вскоре оно вообще отодвинулось куда-то на задний план. Теперь я должна была только говорить, прежде всего, говорить – все ради того, чтобы выйти на пресловутый «рынок». А поскольку по характеру я скорее мягкая, в меру отходчивая, то я и не объявила забастовки в отместку за «розовость», не наложила, топнув ногой, «вето», а с пониманием восприняла план средневековой эксплуатации человека человеком на весь последующий период, вплоть до дня моего возвращения домой. Мало того, в душе я еще корила себя за старомодность и неумение идти в ногу со временем. Я намеренно употребила выше определение «средневековая эксплуатация», ибо правдивым изображением фактов хотела бы умерить восторг (часто перерастающий в зависть) не посвященных в детали людей относительно положения польской певицы за рубежом.

Каждый выезжающий за границу артист получает от «Пагарта» незначительную сумму, которая должна обеспечить ему возможность: 1) пользоваться телефоном, в случае, если никто из организаторов не явится в аэропорт (или на вокзал); 2) заказать себе прохладительный напиток с целью успокоить нервную систему, ибо это как раз та ситуация, при которой даже сильно развитое чувство юмора может подвести. На такси нескольких долларов не хватит, ведь аэропорт обыкновенно расположен далеко от центра, а поездка городским транспортом в чужой стране, да к тому же еще с багажом, – это уж, я считаю, для женщины чересчур.

Поскольку за гостиницу и питание платил синьор Карриаджи, а возил меня мой личный охранник – Рануччо, то, казалось бы, мне было нечего и желать. Но человек так странно устроен, что время от времени ему хочется выйти на улицу и за углом в киоске купить себе газету. Можешь и не читать ее вовсе, но важно хоть на минуту почувствовать, что ты сам себе хозяин. Увы, этой привилегии я была лишена.

Самой же унижительной была минута, когда официант, принеся еду, замешкается в дверях в надежде на чаевые. Ведь я не могла даже сказать: «Извините, у меня нет ни гроша», я представляла фирму CDI, была иностранной звездой, фотографии которой публикуются в прессе, а песни звучат по радио. Я все больше убеждалась в том, что пренебрежительная улыбка официанта – поистине одно из самых тяжелых жизненных испытаний.

Но не каждый официант «одаривал» меня именно такой улыбкой. В маленьком баре при гостинице работал в числе других невысокий коренастый сицилиец Джузеппе. Университета он, по всей видимости, не кончал, но зато весьма хорошо разбирался в людях и был отменным психологом. Он мгновенно понял мое положение, вследствие чего я никогда не испытывала неловкости в его присутствии. Как-то Джузеппе рассказал мне короткую историю своей жизни, типичную для южанина. Происходил он из многодетной деревенской семьи. «Однажды, – говорил он, – голод вынудил меня принять трудное решение. Я заявил матери, что отправляюсь на поиски работы. Не знал даже, куда пойду. Прощаясь, плакал. Мне было тринадцать лет. Нечего и объяснять, что я брался за любую работу, какая только попадалась. На добытые гроши я должен был существовать в чужом городе и, разумеется, не забывал помогать матери. Так что после всего пережитого службу в армии, откуда недавно демобилизовался, вспоминаю как чудесные каникулы. Совсем недавно мне удалось получить место бармена в гостинице».

Как я уже сказала, биография Джузеппе была типичной биографией южанина. Именно молодые люди главным образом вынуждены покидать родные края, отправляться на заработки, а так как единственное их богатство – сильные руки, то, попав в промышленный город, они не находят слишком большого выбора, где и кем работать. Для учебы у них никогда не хватало ни времени, ни средств. Горничные в моей гостинице также были родом из различных южных областей.

Я прожила в Италии полгода, с перерывом на краткий отдых в Польше, но даже и столь недолгое пребывание позволило мне сориентироваться в некоторых внутренних проблемах этой страны. Итальянцы с севера относятся к своим южным соотечественникам если и не презрительно (не знаю, имею ли я право употребить столь сильное слово на основании моих наблюдений), то, во всяком случае, не слишком доброжелательно, зачастую с долей иронии. Они считают себя, несомненно, выше южан. К примеру, конференсье и комики в развлекательных программах, желая развеселить зрителей, переходят на неаполитанский диалект – этого бывает достаточно, чтобы заурядная острота вызвала общий смех. Или вот иной пример размежевания севера и юга. На широко известный фестиваль песни в Неаполе не приезжает никто из уважающих себя «звезд» севера, а когда я, после неапольского фестиваля, захотела в Милане включить в свой репертуар несколько песен на неаполитанском диалекте, то в ответ на мое предложение только пожали плечами. Я знаю, что подобная «географическая дискриминация» в той или иной мере существует во многих странах. Я еще не слышала об абсолютном спокойствии, братстве и единстве в границах одной страны. Зато известен факт, что перед лицом опасности, грозящей извне – все эти территориальные различия и личные распри становятся совершенно неважными.

Я не намерена критиковать существующие в Италии взаимоотношения, а тем более осуждать их. У меня попросту нет на это никакого права. Я не настолько хорошо знаю историю Италии, чтобы отыскать в прошлом этой страны причины, объясняющие нынешнюю обстановку, но одно заявление могу сделать без колебаний и даже поклясться, если кто-нибудь того потребует: мои симпатии на стороне собратьев бармена Джузеппе. И не потому даже, что подобные чувства всегда пробуждаются в нас в отношении к тем, кого несправедливо, без оснований третируют. Просто южане мне нравятся. Они доброжелательно относятся к людям, независимо от того, с севера они или с юга. Они еще не заражены самой страшной болезнью нашего времени – бесчувственностью, равнодушием к судьбе живого или умирающего на их глазах человека.

Всем им присуща глубокая, искренняя любовь к родной земле. Кто хоть раз слышал, как поет о своей родной деревне южанин, тот мне поверит.

У итальянцев вообще сильно развиты родственные чувства. Привязанность итальянских сыновей к своим матерям вошла в пословицу. Часто, однако, она бывает несколько показной, словно демонстрируется в порядке саморекламы: «Вот, дескать, какой я хороший сын». Впрочем, каждый итальянец всегда немножко актер, и бороться с этим – напрасное дело, но бармену Джузеппе вроде бы не перед кем было играть, когда он посылал матери свои жалкие гроши. То же самое относится к религии. Итальянцы веруют горячо и глубоко. Именно таким был Джузеппе.

В свой второй приезд в Милан я подарила ему вырезанных из дерева кукол, составляющих маленькую забавную сценку. Приближалось Рождество Христово, и такой сувенир показался мне уместным. Джузеппе очень обрадовался. Разместил кукол на полке в своем баре и долго рассматривал ручную работу художника-гуралья (гураль – житель гор, польских Татр. – *Ред.*). Куклы стояли там до самого моего отъезда. Быть может, стоят и по сей день...

Ввиду того, что я передвигалась по Милану только на машине, да и то вечно в спешке, я не слишком много могла рассказать в Польше своим знакомым о самом городе и его архитектурных памятниках. Единственное, что я видела часто и с разных сторон, – это нижние фрагменты великолепного кружевного собора. Я не случайно пишу «нижние фрагменты» – ведь из машины ровно столько и можно увидеть, – но даже и эти фрагменты вызывали у меня восхищение.

Еще в самолете я радовалась при одной только мысли, что буду иметь возможность пойти в знаменитый «Ла Скала». К сожалению, в плане моих занятий этого не предусматривалось. Правда, несколькими днями позже Рануччо подвез меня к зданию оперы (к слову сказать, я была немного разочарована его неимпозантным внешним видом), но лишь затем, чтобы сфотографировать меня в обществе весьма привлекательных карабинеров. Не знаю уж, чем руководствуются итальянцы, выбирая форму мундиров. Быть может, здесь играет роль их любовь к театральности, ибо эти великолепные мужчины в своих пелеринах и золотых шлемах с султанами производят впечатление статистов, которые ускользнули с репетиции, чтобы пропустить по стаканчику вина в ближайшем баре.

Мне все-таки удалось побывать в «Ла Скала» на «Трубадуре» – меня пригласили мои друзья, – но это уже позднее, во время следующего приезда в Милан. Я должна хотя бы в двух словах рассказать о реакции здешней публики, когда их кумиры исполняют знаменитые арии. Поскольку театральный сезон только что открылся, в тот день в театре было много иностранцев. Гуляя во время краткого антракта по фойе, я невольно вспомнила легенду о Вавилонском столпотворении – столь многоязычным был людской говор, достигавший моих ушей. Но это лишь в фойе – в зале же решительный перевес оказался на стороне итальянцев. Только их и было слышно. Каждая исполняемая любимцем ария вызывала не просто овации, которые раздавались иногда в самый неподходящий момент, совершенно заглушая солиста, но, главное, громкие возгласы, восхищенные похвалы, сопровождаемые бурной жестикуляцией. К примеру: «Ты великолепна! Ты несравненна! Другие рядом с тобой – ничто! Мой победитель! Люблю тебя, обо-жа-аю! Умираю от восторга!» На последнем ярусе рьяно аплодировала группа мужчин, по всей видимости, клакеров. Поведение их явно указывало на это, хотя, по моему, представление и так проходило на очень высоком уровне.

...На следующей неделе меня ожидал тяжкий труд манекенщицы. Рануччо являлся за мной в гостиницу – чаще всего с огромным опозданием – и отвозил в Дом моды. Там начиналась многочасовая изнурительная работа. Возможно, что кто-нибудь из людей, не посвященных в детали, прочтя это, недоверчиво усмехнется, но профессионалы меня наверняка поймут и в случае необходимости подтвердят справедливость моих слов.

К чисто физической усталости присоединялось нервное напряжение. А все из-за тех несчастных добавочных сантиметров, которыми наделил меня творец. Однако я не должна была показывать вида. В каждом новом месте я с улыбкой выслушивала изумленные замечания по этому поводу. А сколько было попыток помериться со мной ростом! Те итальянцы, что были пониже, подсказывали, чтобы дернуть меня за косу. А поскольку таких низкорослых было очень много и даже у святых терпение не бесконечно – мне приходилось по нескольку часов ночью приходить в себя, чтобы успокоиться и подготовиться к следующей баталии.

Сюда следует добавить и замечания фотографов. «Прошу вас понять, синьора, – убеждал меня как-то раз один из них, – вы не царствующая особа, вы девушка, которая непременно должна нравиться». «Вовсе я к этому не стремлюсь», – подумала я про себя в ответ на этот в какой-то степени справедливый упрек. Действительно, во мне нет ни одной капли голубой крови. Но душу мою, уже весьма сильно растревоженную, все больше охватывали сомнения и протест. Человек никогда не должен поступать вопреки своим убеждениям, вопреки характеру. Не должен делать ничего, что он сам позднее будет вспоминать с неприятным чувством. Обожаю танцы и дружеские пирушки, люблю посмеяться – даже без повода! – но только тогда, когда мне весело, но я не в силах, пусть даже на короткое время, надеть на себя маску женщины, совершенно чуждой мне во всех отношениях, – женщины только на показ, для рекламы.

К счастью, это неожиданно поняли мои фотографы и даже заявили, что мне «к лицу» небольшая примесь славянской меланхолии.

Таким образом, я могла не заботиться об улыбке, от которой ныли лицевые мускулы и, что хуже, возникали морщины! Увы, оставались еще такие черты моих милых хозяев, как чрезмерная фамильярность. При моем появлении кто-нибудь из них мог, например, с ловкостью акробата взобраться на стул, дружески похлопать по спине либо – чего я совершенно не переносила – слегка ущипнуть за щеку. Правда, последнее позволяли себе только отцы семейств, да и то в присутствии своих супругов, тем не менее, всякая иная моя реакция, более резкая, чем желание отшатнуться, казалась им странной. Ведь подразумевалось, что ко мне проявлена отеческая симпатия.

Теперь самое время представить вам поближе мою личную охрану, моего дневного ангела-хранителя, журналиста Рануччо.

Рануччо, молодой человек лет двадцати пяти, был, к счастью, высокого роста и необыкновенно спокойного нрава. Его невозмутимость порой доводила меня до слез (конечно, я разрешала себе всплакнуть лишь наедине с собой, в гостинице) и до полного отчаяния. Видимо, по этой причине во мне со дня на день крепло злорадное чувство, что Рануччо такой же журналист, как я – пигмей.

Первым ушатом холодной воды, опрокинувшимся на мою бедную голову, была моя биография, созданная стараниями Рануччо. Узнав из нее о своем происхождении и судьбах близких мне людей, я была потрясена до того, что потеряла дар речи. Выйдя из шока, я, совершенно забыв, что Рануччо понимает только итальянский, закричала на родном языке: «Ты сошел с ума! Кому нужен этот бред?» Однако Рануччо, по-видимому, понял меня, ибо принялся объяснять, что, дескать, правдой никого не удивишь, а суть-то прежде всего в том, что люди жаждут необыкновенного, а если какие-то факты и подсочинить, так это ерунда, поскольку, прочитав, все равно никто ничего не запомнит. «Все так делают», – сказал он, добавив мне в утешение, что выдумывают вещи и похуже. Доныне удивляюсь, почему, к примеру, моя мама превратилась в армянку? Скорее всего, Рануччо некогда прочел биографию Азнавура...

Впрочем, плод его буйной фантазии был полностью одобрен Пьетро, который высказал мне свои резоны, в точности повторяющие доводы Рануччо. Вдобавок меня же еще и упрекнули: «Я предпринимаю все, чтобы привлечь к тебе внимание, а ты недовольна». Что мне было делать? Уехать домой? Расторгнуть договор? Даже на дорогу до аэропорта мне бы не

хватило, не говоря уже об обратном билете... А неустойку по договору пришлось бы платить до конца жизни. Я осталась. А вскоре пережила еще большее огорчение, совершенно заслонившее вопрос о моей биографии.

Срок моего первого пребывания в Италии подходил к концу. Встречи на Terrazza Martini и сослужившие службу рекламные снимки из домов моды давали свои результаты. Пресса почти ежедневно и довольно много писала обо мне. И теперь, когда публика узнала обо мне из моих интервью, осмотрела со всех сторон в разнообразных туалетах (какие только удалось на меня натянуть), можно было позволить и спеть. Потому что с некоторых пор стали возникать сомнения: «Ну ладно, все это хорошо, но, вообще-то, она действительно поет?»

Оказалось, что это был заранее выработанный план Пьетро, которым он ужасно гордился. А главным исполнителем плана был, конечно же, Рануччо. Если бы не он... Некоторые качества Рануччо убеждали меня, что все-таки есть в нем что-то от настоящего журналиста.

Помню, как однажды потребовалась серия снимков в аэропорту. Чтобы попасть на его территорию, нужно было все-таки быть Рануччо. Только ему удалось этот номер – снимать без разрешения. В итоге я была сфотографирована возле самолета, на крыле, под крылом, в кабине, за кабиной, возле пульта и т. д. Недоставало лишь фотографии – я в полете. Другой особенностью характера Рануччо, которая меня искренне изумляла, было его отношение к женщинам. Он был убежден, что всякая женщина, едва лишь взглянув на него, воспаляется любовью. Разумеется, к нему, к Рануччо.

Когда-то у нас демонстрировался итальянский фильм с Доменико Модуньо в роли шофера. «Как она на меня посмотрела!» – восторженно восклицает Модуньо, обращаясь к своему товарищу – шоферу. Речь шла о девушке, которая, переходя дорогу, бросила случайный взгляд в его сторону. Я думала, что это просто юмористический момент в фильме, имеющий мало общего с действительностью. Поэтому сначала со смехом воспринимала такие, например, возгласы Рануччо: «Ты заметила? Заметила, как она на меня посмотрела? Хорошо, что я сейчас в машине, а то бы она не оставила меня в покое...» «А этот Рануччо наделен чувством юмора», – с удивлением думала я, тем более что сходством с Рудольфо Валентино, который вызывал у женщин столь бурные чувства, Рануччо, пожалуй, не обладал. При всем том общество Рануччо очень скрашивало мое пребывание в Италии. Объективности ради, должна признать, что он прилагал немалые усилия, дабы угодить своему шефу. Он буквально разбивался в лепешку. Многие свойства характера Рануччо оказались в разительном несоответствии с моими – но в этом его вины нет. Я вспоминаю о нем с симпатией.

Наконец настал день, когда мне позволили выступить перед публикой, в прекрасном зале Circolo della Stampa в Милане (Миланский дом прессы. – *Ред.*).

Поскольку с концертом все получилось довольно неожиданно, у меня не было времени подготовиться к такому ответственному выступлению. Ему предшествовала одна-единственная репетиция с пианистом – утром; вечером должна была состояться вторая репетиция с музыкальным ансамблем уже в самом зале.

Я умолила Рануччо, чтобы он хоть раз не заставил себя ждать и привез меня в этот маленький дворец заблаговременно, что он и исполнил. Это был действительно превосходный зал. Я и всегда-то перед концертом нахожусь в полубоморочном состоянии, а тут еще чувство неуверенности, нервозность. Словно сквозь туман видела я золоченые рамы огромных, от пола до самого потолка, зеркал, трепет огней, жирандоли, канделябры...

Время от времени моего слуха достигала с набожным почтением рассказываемая история этого зала. Передо мной здесь выступал, точнее, произнес речь генерал де Голль, а до него побывал еще один француз, Бонапарт. Но он всего лишь спал в этом зале. Речей не произносил. Признаюсь, что эти исторические факты почему-то меня не ошеломили (а должны были!). Моя фантазия несколько оживилась, нарисовав роскошное ложе под балдахином, где спал маленький Великий Корсиканец. Но тем и ограничилась. К сожалению, все попытки подогреть вооб-

ражение пресекала безжалостная действительность. Сдерживая слезы, которые могли вот-вот хлынуть ручьем, я думала только об одном, а именно о том, что ведь самого главного – репетицию с музыкантами – осуществить уже не удастся.

Сколь же пустячными представились мне теперь все предыдущие горести!

Подготовлено и опробовано освещение, звук, телевизионные и кинокамеры (часть концерта предполагалось заснять на пленку), микрофоны. Моя персона запечатлена крупным планом и в иных ракурсах, только для репетиции с музыкой все не находилось времени.

А песни были трудные, с меняющимся ритмом, к тому же незнакомые итальянским музыкантам. Я пела с ними первый раз в жизни, так что о сыгранности и какой-либо импровизации не могло быть и речи.

Наконец маэстро проиграл по две фразы каждой из десяти песни. Публика уже заполняла зал.

После концерта, который прошел сверх ожидания хорошо, я узнала от Пьетро, что у меня слишком серьезный подход к делу, что музыка развлекательная, легкая, так что и относиться к ней надо соответственно. Да простит ему какой-нибудь из итальянских святых, а я не могу!

Тогда я еще не знала, что попаду во сто крат худшую историю. Во время моего второго приезда в Италию мы с Пьетро поехали на машине в Канны, на международную ярмарку грам-пластинок MIDEM.

Прибыли мы в Канны с опозданием по причине возникших неприятностей с визами на итало-французской границе. Горная дорога вилась такими зигзагами, что на протяжении всего нескольких километров дважды пересекала итальянскую территорию. А у меня имелось разрешение только на однократное пересечение границы. В итоге, после бесконечных дискуссий и составления протоколов, стражи порядка согласились на мой въезд на территорию Франции. (Обратный путь мы, во избежание неприятностей, проделали на самолете.) Итак, в Канны мы явились с большим опозданием.

Никакой репетиции с оркестром провести я, понятно, не успела – хорошо, что мне вообще удалось выступить, да и то лишь благодаря умению молниеносно переодеться и причесаться. До сих пор не могу понять, откуда у меня на это взялись силы, не говоря о том, что ведь пришлось еще и петь!

Семичасовое путешествие зимой на машине по извилистой горной дороге не способствовало хорошему самочувствию, так что Пьетро вынужден был часто останавливаться. Морская болезнь на пароходе «Батерий» казалась мне теперь невинным пустяком. Я думала, что мне уже не выйти из машины на собственных ногах. Тем не менее вышла – переоделась и встала перед микрофоном, буквально «с корабля на бал», без репетиции, не ознакомившись с новой аранжировкой песни «Вернись в Сорренто», разработанной специально для этого концерта. Единственное, на что я рассчитывала, – это на помощь дирижера, которого я знала.

И надо же такому случиться, что после того, как стихли приветственные аплодисменты, дирижер вместе с оркестром исчез за великолепным занавесом, отделяющим их от солиста! В адрес сценографа, которому пришла в голову эта гениальная идея, я высказала отнюдь не самые добрые слова (произнесенные, конечно, не вслух). Вследствие этого мне пришлось исполнять песню, полагаясь лишь на интуицию, изо всех сил пытаясь одновременно удержать равновесие на ватных, подгибающихся ногах, а также улыбку, которая, как мне было известно, транслировалась едва ли не всеми телевизионными компаниями.

И опять получилось, что Пьетро был прав, но какова цена... Об этом знала лишь я.

И подумать – не только никто ничего не заметил, напротив – моя манера исполнения очень всем понравилась и даже... Во мне обнаружили сходство с известной киноактрисой, так называемой «секс-бомбой». Поразмыслив, я пришла к выводу, что заслужила этот комплимент (а это, несомненно, высказывалось именно как милый комплимент) благодаря моим длинным светлым волосам и высокому росту. Ибо главного атрибута, делающего эту актрису секс-бом-

бой, я была, увы, лишена. Правда, не могу пожаловаться – у меня хорошо разработана диафрагма, благодаря этому мне есть чем дышать... и петь, но все же, я противница таких преувеличений.

Вернемся еще раз назад, в зал «де Голля и Бонапарта». В первом отделении концерта выступал негритянский ансамбль «The Folk-Studio Singers» со своими оригинальными блюзами. Необыкновенно талантливые ребята – они не только прекрасно пели и одновременно танцевали, но каждый еще играл на разных инструментах.

Что касается танца, способности двигаться по сцене, то у меня было много возможностей убедиться, что мы не в состоянии равняться в этом со своими черными братьями. Такой пластичности и грациозности движений, гениальному чувству ритма нельзя научиться. А если и научишься – все равно это не будет то же самое. С такими способностями надо родиться, иметь это в крови. Я подружилась с ансамблем. Они присылали мне открытки из своих путешествий по Италии, присылали поздравления в Сан-Ремо. Не забывали обо мне и тогда, когда я лежала в гипсе. Однажды приехали из Рима в Болонью – ради того лишь, чтобы принести цветы и пожелать здоровья. Сейчас, когда я пишу эти строки, как раз проходит Олимпиада в Мексике. Должна добавить, что с удовольствием слежу за спортивными состязаниями и вижу, что не только в танце, но и во многих спортивных дисциплинах эбеновые юноши и девушки недостижимы.

Концерт вел один из самых симпатичных конферансье, каких мне только приходилось встречать в Италии, – синьор Энцо Тортора. Он говорил тепло, без преувеличений, без потуг на роль королевского шута, что, увы, было свойственно некоторым конферансье.

После выступления, оставаясь на эстраде перед микрофоном, я должна была отвечать на «стихийные вопросы» публики. К счастью, перед открывшейся для публики возможностью получить, при этом из первых рук, столь важную информацию, как «Ваш рост?», потускнели все другие проблемы, касающиеся международного положения и даже... песни. Поскольку заверения, что мой рост «184 см без каблучков», не вполне убедили публику, я быстро нашла способ удовлетворить ее любознательность, следуя лозунгу «Наш клиент – наш повелитель». Я предложила, что будет лучше всего, если кто-нибудь из почтенных, известных данной аудитории синьоров выйдет на сцену, встанет рядом и померится со мной ростом. К моей радости, вышел ужасно долговязый мужчина, актер, возле которого, став без каблучков, я сама себе показалась ниже среднего роста!

Подобное героическое «самоуничтожение» я практиковала отнюдь не впервые. По окончании международного фестиваля в Остенде (Бельгия) в 1965 году происходило вручение наград – в чудесном зале «Курсал» («Курсал» – большое казино в Остенде, где проходили самые громкие мероприятия, в том числе международные конкурсы. – *Ред.*). Всех участников фестиваля пригласили на сцену. С минуту мы стояли среди многоцветия ламп и вспышек «блицев». Потом на сцену поднялся бургомистр и зачитал очень милую и сердечную речь, после чего вручил певцам награды за три первых места – выполненные из металла парусные корабли на мраморной подставке. Первую награду – «Золотой парус» – завоевала тогда Моника Лейрак, «Серебряный» – гречанка Ники Камба, хорошо известная нам по Сопоту, «Бронзовый» достался мне. Приветствуя по этому случаю награжденных, господин бургомистр обратился к истории суровой и прекрасной Канады, потом к прекрасным традициям Древней Греции, упомянул Орфея. Я была восхищена его поэтическими сравнениями. Но когда дошла очередь до «Бронзового паруса», бургомистром внезапно овладело мучительное чувство приниженности. Терпеливо выслушав его сетования, я ответила с полным пониманием: «Что же я могу для вас сделать? Пожалуй, только это...» Тут я моментально сбросила золотые туфли с шестисантиметровыми каблучками и встала рядом в одних чулках. Эффект был точно такой, как и на этот раз, в Италии.

Публика чрезвычайно развеселилась и выглядела вполне довольной. (Все комментарии в обоих этих случаях оставляю при себе.)

В конце концов, кому-нибудь может прийти в голову вопрос: «Если ей было там так плохо, почему же она продолжала это, во имя чего?»

У меня была цель, которая «оправдывала средства».

Семья моя состоит из мамы и бабушки. Отца я потеряла, будучи двух лет от роду. Так что все, чего мне удалось достигнуть в жизни, мое образование я получила благодаря заботам, любви и тяжкому труду этих двух самых близких мне женщин.

Выпавшая нам судьба не была слишком милостива. В ней отразилось все то, из чего складывалась жизнь сотен тысяч людей в годы последней войны, вкуче с голодом, изгнанием, подчас гибелью целых семей.

И вот теперь мне хотелось, имея на то возможности, хоть в малой степени смягчить, стереть воспоминания мамы и бабушки о тяжелом прошлом, создав лучшие условия жизни. Я хотела купить квартиру. Тот, кто никогда не имел своего угла, понимает, что значит для человека собственное жилье. Можно в течение всего дня быть на людях, но после работы необходимо иметь целительную возможность отключиться, замкнуться в четырех стенах собственной комнаты, устроенной по твоему вкусу. С возрастом потребность в этом делается все более отчетливой, насущной. Моей бабушке уже восемьдесят четыре года, и она еще никогда не жила в комфорте, достойном человека живущего в XX веке. Ошибется тот, кто подумает, что я имею в виду многокомнатную виллу с садом, бассейном, террасами, хоть я вовсе не против «люкса». Считаю даже, что всякий человек на земле должен обладать хотя бы одним собственным деревом.

Я же мечтала об обыкновенной трехкомнатной квартире с горячей водой и необходимыми удобствами.

Именно это мое пламенное желание давало мне силы не замечать «маленьких препятствий». Я вынуждена была спешить, чтобы возможно быстрее заработать деньги. Человек, у которого за плечами восемьдесят четыре года тяжелой жизни, давно перешел на вторую половину своего земного пути. Я очень люблю бабушку, которая меня, собственно, и воспитала и от которой я получила в наследство ее характер. Моей матери пришлось посвятить себя работе, не всегда соответствовавшей ее образованию.

У читателя, конечно, может возникнуть вопрос: «Почему же она раньше не купила квартиру, ведь выступает на эстраде уже шесть лет?»

Попытаюсь объяснить. Увы, буду вынуждена разрушить миф о легких заработках певцов и астрономических суммах их гонораров. (Извините, что тем самым доставлю вам разочарование.) Исполнитель получает у нас за запись долгоиграющей пластинки одноразовое вознаграждение, которое в среднем составляет 1000 злотых. Сколько таких пластинок у каждого исполнителя – было бы хорошо проверить. Самая высокая ставка за концерт (установленная Министерством культуры и искусства) – 500 злотых. За фондовые записи на радио мы также получаем одноразовое вознаграждение в размере 500 злотых. За выступление на телевидении я получала от 400 до 1000 злотых, в зависимости от количества исполненных песен.

Мне кажется, этих цифр вполне достаточно, чтобы понять, что заработки исполнителя, относящегося к своей работе честно и с полным чувством ответственности, которому чужды халтура и принцип «все хорошо, за что платят», не отличаются от средних доходов любого поляка. А при этом всякое планирование и рациональное ведение хозяйства совершенно исключается, поскольку никогда не знаешь, какой суммой в этом месяце ты можешь располагать. К тому же с профессией артиста – «кочевника» сопряжены немалые издержки (взять хотя бы проживание в гостиницах, туалеты, обязательные для фоторекламы, очень часто за свой счет заказанные аранжировки песен и прочее, и прочее).

То, о чем я написала, отнюдь не является слезливыми жалобами по поводу «тяжкой участи бедного певца». Никто ведь насильно не заставлял тебя выбрать именно эту профессию, и большинство из нас не захотело бы ни за какие сокровища в мире сменить ее на другую (даже если имеется в запасе еще одна, более «почтенная»). Мы, конечно, не крезы, но делаем то, что доставляет нам радость – мы имеем возможность петь и, что еще важнее, знаем, что пение для нас и является целью, а не средством для ее достижения.

Я упоминаю об этом лишь затем, чтобы объяснить, как вышло, что я решилась подписать контракт на три года, хотя всякий раз разлуку с родной страной переношу как стихийное бедствие.

Карьерой певца на Западе управляют законы бизнеса. При благоприятной конъюнктуре и капельке везения даже одна записанная на пластинку популярная песенка может принести относительно большой заработок, ибо пластинка расходуется в этом случае огромными тиражами, а исполнитель наравне с композитором и автором текста получает определенный процент от количества проданных пластинок. На это я и рассчитывала.

Разумеется, легендарные (впрочем, соответствующие действительности) сногшибательные доходы зарубежных певцов – удел лишь немногочисленных баловней судьбы, тех, кто стал широко популярен. К примеру, Том Джонс, который сейчас на вершине славы, получает – как сообщалось в нашей прессе – десять тысяч долларов за одно выступление. Это очень много, даже если отбросить налоги, оплату целой армии музыкантов, аранжировщиков, композиторов и так далее. Урожайные годы, как правило, длятся недолго. Взамен уже приевшихся, хоть и талантливых, появляются новые лица – как в калейдоскопе. Надо спешить, зарабатывать теперь, сегодня – скопить на «черный день», который наступит, когда публика совсем потеряет к тебе интерес. Поэтому делается все, чтобы как можно дольше продержаться в свете юпитеров. Необходимо всеми доступными способами, любой ценой подогревать любопытство зрителя-слушателя. В целях рекламы хороши все средства. Увы, не каждому достает сил выдерживать такую борьбу. Некоторые сами сходили со сцены. Например, Луиджи Тенко.

Во время моих предыдущих «больших» гастролей, например поездки в Англию, США и Канаду, я получала за свои выступления только суточные. Их хватало на проживание, а порой (крайне редко, ибо билеты дорогие) на посещение театра или мюзикла.

Фестиваль для певца – вообще дело неоплачиваемое. Сам факт участия в нем уже является достаточным вознаграждением. Поэтому я охотно участвовала в фестивалях и поездках с группой артистов за границу. Это всегда становилось интересным, надолго запоминающимся событием. Неважно, что финансовая сторона оставляла желать лучшего. Например, певцов, принимавших участие в международном фестивале в Остенде, разместили в маленьких гостиницах, где уже заранее были оплачены завтраки и ужины. Зато обед подавали за общим столом в прекрасном помещении курзала.

На многочисленных встречах коктейли и всяческие другие алкогольные и неалкогольные напитки подавались также за счет устроителей фестиваля. Казалось бы, предусмотрено все. Тем не менее, когда настал день отъезда, «звезда» была вынуждена сама взять свой багаж и топать пешком (у меня не было денег на такси) до назначенного места.

Подобный факт должен бы вызвать чувство как минимум «маленькой катастрофы». Однако я ужасно развеселилась при виде огорченно-изумленной мины на лице привратника. Так, обладая чуточкой юмора и элементарным пониманием иерархии ценностей, можно рассматривать подобные ситуации с философской точки зрения и не видеть в них причин для огорчения. Впрочем, я была лишь гостем в этом чужом мире. Постоянно помнила, что через несколько дней или недель вернусь домой, к более важным для меня делам.

Не могу не вспомнить при случае о самых приятных зарубежных гастролях – поездке с группой в тридцать человек в США и Канаду. Собственно, должна заметить сразу, что я имею в виду не пребывание на территории США и Канады, а само путешествие на «Батории».

Сколько бы раз ни довелось мне встретиться потом с участниками этого турне, всякий раз мы растроганно вспоминали о днях, проведенных на лайнере: наши обеды за общим столом, подававшиеся нам божественные десерты, игру в «бинго» и даже девятибалльный шторм!

Я делила каюту с Касей Бовери (Катажина Бовери – известная польская певица. – *Ред.*). Я внизу, Кася наверху. В продолжение шести дней в океане бушевал шторм. Наша каюта размещалась на верхней палубе, однако же волны с шумом хлестали по иллюминаторам. По каюте летали разнообразные предметы: баночки с кремом, духи (до того тщательно расставленные перед зеркалом), книжки, туфли, стулья – все, что не было привинчено к полу. Увы, поддерживать порядок нам было не под силу. Мы дисциплинированно лежали в своих койках, бдительно следя, чтобы не свалиться на пол. Стоило хоть чуточку приподнять голову, как уже требовалось немедленно нестись (галопом) в ванную.

О... много десертов пропустили мы с Касей в течение этих шести дней! Но не на всех океан действовал так фатально. Кажется, даже в тех случаях, когда большинство мест в ресторане пустовало, туда регулярно и пунктуально являлись пан Владислав Якубовский и пан Люциан Кыдриньский. И вовсе не ради светского общения. Оба отличались неизменно чудным аппетитом.

В великолепном зале Circolo della Stampa в Милане я познакомилась также с синьором Энцо Буонассизи. Это главный критик и рецензент всех культурных событий в Милане, сотрудник «Коррьере делла Сера». Необычайно симпатичный, добрый и благожелательный человек. После того как нас официально представили друг другу, после вежливого обмена мнениями насчет путешествия, гостиницы, климата и т. д. я, заметив в поведении синьора Буонассизи некое беспокойство, поняла, что самый важный, принципиальный вопрос еще впереди. И в самом деле, минутой спустя я услышала произнесенное тихо и с надеждой в голосе: «Вы любите готовить?» Мой неосторожный смех и легкомысленное признание: «Нет, не люблю» – отразились на лице моего собеседника таким глубоким разочарованием, что на следующий вопрос, заданный уже без тени надежды, формальности ради: «Но вы хотя бы умеете готовить?», я солгала мгновенно и без запинки, предвидя, что в противном случае произойдет катастрофа. Сообразила, конечно, что для проверки моих кулинарных способностей все равно не будет ни времени, ни возможности. А к чему беспричинно огорчать ближних?

В оправдание своего кошмарного *faux pas* (промах. – *Ред.*) прибавлю, что мужчина, топчущийся у плиты, не вызывает у меня никаких возвышенных чувств. Не знаю, способен ли был бы сам Грегори Пек, возмись он рассуждать о превосходстве грибного соуса над любым другим, увлечь меня (естественно, если бы для того существовали потенциальные возможности). В Италии я встречалась с этим странным явлением довольно часто. Даже Рануччо обожал готовить!

Скажем, принимаясь за десерт, то есть, уже удовлетворив перед тем голод, всякий нормальный, уважающий себя мужчина немедленно берется наводить порядок в политике; всякий же третий итальянец (моя точная статистика) начинает обсуждать вкус поданных блюд, добавляя свои импровизации на заданную (читай – съеденную) тему. В лучшем случае разгорается дискуссия на предмет женско-мужских взаимоотношений.

Должна признать, что, как я убедилась позднее, синьор Буонассизи обладал не только большой склонностью к кулинарному делу, но прямо-таки настоящим талантом. Он является автором нескольких кулинарных книг – где дает собственные, оригинальные рецепты, – несравненным знатоком кухни всех регионов Италии и, разумеется, великим гурманом. Он – член жюри на каждом съезде гурманов. Не знаю, правда, какое бы в этом случае употребить точное название, но думаю, что спокойно могу возвысить эти кулинарные съезды до ранга фестиваля.

Иногда отдельный регион Италии выставляет свои блюда, иногда собираются мастера сквородки со всей страны. И тут уже необходимы подлинная увлеченность и... хороший

желудок, дабы оправдать требования, предъявляемые к членам жюри. Хотя синьор Буонассизи никогда от судейства не отказывался, силуэт его не имеет ничего общего с обликом Фальстафа.

Синьор Буонассизи, кроме того, высокочтимый писатель и поэт. Перед моим отъездом он подарил мне свой труд под названием «Пятьдесят лет итальянской песни» – прекрасное, богато иллюстрированное издание в форме альбома, куда включены и фотографии и записи певцов. Однажды он пригласил меня в редакцию «Куррьере делла сера» и показал все отделы, познакомил с сотрудниками, начиная от портье и кончая директором. Позже пригласил к себе домой на обед, им самим приготовленный. Представил меня жене Лии, дочери Эльвире, жениху дочери и... самому главному члену семьи – песику.

Песик был маленький, с коричневой кудрявой шерстью, кажется пудель. (Прошу меня простить, если ошиблась, но с полной уверенностью могу назвать только таксу.) Песик, как я сразу заметила, располагал огромными привилегиями – главным образом в силу своего редкого музыкального таланта. Достаточно было сказать: «Ну а теперь спой что-нибудь хорошее», как пуделек тут же садился на задние лапки, поднимал мордочку и начинал невероятно тоскливо выть. Пел он самозабвенно, так, что прервать его было довольно трудно; удавалось это лишь с помощью какого-нибудь лакомства. Ему не чужда была и профессиональная зависть: заслышав любую музыку, он моментально настраивался враждебно по отношению к источнику звука, будь то пластинка или приемник. По-видимому, он не переносил конкуренции в собственном доме. Приходилось предварительно запира́ть его в дальней комнате.

С большим удовольствием вспоминаю также еще одно приглашение супругов Буонассизи. На этот раз – в ресторан. Мне приготовили сюрприз, так что я не знала заранее, где окажусь. А оказалась в трактире, словно перенесенном сюда со старой картины: полумрак, длинные деревянные столы с лавками вместо стульев, на подпирающих потолок деревянных столбах висят пузатые, оплетенные соломой бутылки с вином, а с потолка свешиваются целые гирлянды чеснока и лука. Подавали нам разнообразные блюда, названия которых мне ничего не говорили, ибо слышала я их впервые, но вкуса они были отменного.

Впрочем, описывать эти блюда нет смысла – их надо просто попробовать самому. Поскольку я не большая любительница деликатесов, мне очень понравилась эта простонародная еда, острая, сдобренная перцем, как и язык ее «исповедников». Этим вечером мой авторитет в глазах синьора Буонассизи сильно возрос. Мне все казалось вкусным, и довольный синьор Буонассизи пододвигал мне все новые и новые блюда: «Ну, хотя бы попробуйте».

Да... с сердечной благодарностью вспоминаю я синьора Буонассизи, его гостеприимство, искреннее участие, которое проявил он, видя мое одинокое блуждание по бескрайнему морю чужих обычаев и языковых трудностей. Человек всегда в состоянии понять другого человека, невзирая на географические различия, несхожесть обычаев, религии, языка... Надо только захотеть, и этого будет достаточно.

Но вот, к великой моей радости, срок первого пребывания в Италии приблизился к концу. Вскоре я должна была вернуться в Варшаву, а затем к моим близким во Вроцлав.

Последняя ночь в гостинице. Вещи я быстренько упаковала еще накануне и теперь просто не могла спокойно ни сидеть, ни лежать на месте. Номер у меня был чистым и удобным, с ванной, выложенной голубым кафелем. Но сама улица выглядела довольно мрачно, так что окно я чаще всего держала занавешенным. Однажды я заметила, что в доме напротив (улочка была очень узкая) некий господин развлекается, наведя на чье-то окно бинокль. Не утверждаю, что именно на мое, но сама мысль, что за тобой могут подглядывать, была не из приятных. И существовала еще одна причина.

Спустя несколько дней после моего приезда в одном из домов на противоположной стороне скончалась пожилая дама. В таких случаях снаружи на воротах вывешиваются определенного цвета портьеры и расстилают дорожку, которая протягивается даже на улицу. В тот раз полотнища были темно-фиолетовые, а дорожка черная. На меня это производило такое гнетущее

щее впечатление, что я задернула шторы, дабы таким образом оградить себя от вида траурных полотнищ, печальных, как сама смерть.

Подобное произошло четырежды в том самом доме. Поэтому мои окна были занавешены все то время, пока я там жила. Траур позднее был снят, но при одном взгляде на те ворота потилось настроение.

Вскоре все – и хорошее, и плохое – должно было отойти в область воспоминаний. Рубежом, отделяющим их от реальности, был для меня аэропорт, а точнее – борт польского самолета. С него начиналась для меня Польша – единственно значимая реальность, независимо от того, приносила она радости или горести. Реальность, желанная в любом своем проявлении.

Я стремилась домой, чтобы получить заряд энергии, любви, переполнявшей письма, вообще – чтобы отогреться!

В Польше, конечно, ждали меня и обязанности. Некогда я получила приглашение от профессора Тадеуша Охлевского принять участие в концерте старинной музыки. Музыкального образования у меня нет, голос поставлен от природы, и лично моей заслуги в том – никакой. Пение не доставляет мне трудностей, я в одинаковой форме что днем, что ночью. Мне не нужно предварительно «распеться», проявлять особую заботу о горле и т. д.

Все же, думала я, этого недостаточно, чтобы петь арии Скарлатти, те самые, за которые певицы берутся после многолетних занятий вокалом.

Мои опасения немного поубавились после того, как профессор Охлевский объяснил, что сочинения Доменико Скарлатти (которые он предлагал мне) являются камерными, что они исполнялись некогда именно в камерной обстановке для небольшого круга слушателей и что их можно петь без специальной подготовки. Он утверждал, что именно в манере исполнения, когда вокальная техника не подавляет естественного звучания и интерпретации вещи, может заключаться свое очарование. Во времена Марыси Собеской (имеется в виду Мария Собеская (1641–1716), жена короля Яна Собеского (1629–1696). – *Ред.*) эти арии, скорее всего, так и исполнялись.

Я не была абсолютно убеждена в том, что имею право обратиться к ариям Доменико Скарлатти, но музыка оказалась столь прекрасной, ансамбль «*Con moto ma contabile*» так мил и дружелюбен, а пан профессор так обаятелен... И я рискнула.

Профессор похвалил меня – и после концерта в Малом зале Варшавской филармонии, и после трансляции телевизионной программы «Тетида на острове Скирос», которую снимали в Вилянове (Вилянов – очень красивый загородный королевский дворец под Варшавой, построенный при Яне Собеском. – *Ред.*).

Но пора прервать рассуждения на эту тему, иначе кто-нибудь может заподозрить меня в излишнем самомнении. Просто я очень люблю петь и бываю безмерно счастлива, когда могу доставить удовольствие, а не разочарование. Признаюсь, что, если в такую минуту никто меня не видит, способна подпрыгнуть от радости. В этом все дело.

Мое участие в концерте старинной музыки было доброжелательно встречено публикой. Несколько недель спустя до меня дошло поздравление очень издалека, из... Южной Африки. Оказалось, что работавший там польский инженер как раз находился дома в отпуске и, будучи большим любителем старинной музыки, пошел на концерт. Моя пластинка «Танцующие эвридики», которую он приобрел и которая таким путем оказалась на Черном континенте, получила там признание, песенки, записанные на эту пластинку, завоевали на пяти радиостанциях первое место, а в одной из детских больниц выбрали песенку «Мелодия для сыночка», чтобы специально проигрывать ее для своих пациентов.

Эта весть могла бы радовать, если бы одновременно не вызывала грусть и замешательство. В стране, где не только радиостанции, но даже тропинки в парке отдельные – для белых и

отдельные – для черных, черная публика оказалась в состоянии на собственной студии отдать первое место белой певице.

Позднее я получила чудесный подарок из Южной Африки – перстень, браслет и ожерелье, гарнитур из слоновой кости работы художника-зулуса. Получила также букет цветов, которые растут только в одном месте земного шара, именно в Южной Африке. Это были разноцветные протеи. Теперь они засохли и утратили краски, но сохранили форму бокала. Они могут стоять в таком виде много лет.

Срок второго отъезда в Италию неумолимо надвигался. Предполагалось, что на этот раз мое пребывание закончится участием в фестивале в Сан-Ремо. Из-за этого фестиваля я потеряла покой. Поскольку на репертуар – рассудила я – все равно мне не повлиять, так займусь хотя бы туалетами. На помощь мне пришел директор «Пагарт». Он любит смелые планы, любит маленькие, а по мере возможности и большие новации. Благодаря его организаторским способностям и знанию человеческой души первая полька пела в «Олимпии», а теперь впервые полька должна была петь в Сан-Ремо. Прослышав откуда-то о моих заботах, он пригласил к себе домой меня и пани Грабовскую, возглавлявшую «Польскую моду», весьма умело направляя разгоревшуюся неожиданно дискуссию. Нам энергично ассистировала супруга пана директора, Нелли.

Пани Грабовскую, впрочем, не надо было убеждать. Она с большим пониманием отнеслась к проблеме, удачное разрешение которой не только вызволило бы меня из затруднений, но и послужило бы рекламой для «Польской моды». Как известно, передачи с фестиваля транслируются на многие страны.

Пани Грабовская тут же набросала проект моего костюма. Это должно было быть платье, напоминавшее линией шляхетский кунтуш из парчи коричневато-золотистых тонов, обрамленное коричневым мехом. Прическа – в соответствии со стилем эпохи.

Проект пани Грабовской очень мне понравился. Каково же было мое разочарование, когда на следующий день в «Польской моде» меня постигла неудача. Начальство не одобрило планов пани Грабовской. Правда, мне предложили сшить такой же точно наряд, и даже в срок, но... сумма превышала мои возможности.

Перед выездом я накупила для своих итальянских знакомых кучу разнообразных сувениров в «Цепелии» (кооперативное предприятие, занимавшееся производством и сбытом изделий народных промыслов. – *Ред.*), за одну аранжировку песни и за то, чтобы ее переписать, заплатила две тысячи пятьсот злотых, серия рекламных снимков, которых «Пагарт» давно от меня требовал, и, наконец, двухнедельное проживание в варшавской гостинице – таковы в очень сокращенном виде причины, в силу которых кошелек мой оказался пуст.

Так что я захватила свои прежние платья и отправилась в путь.

И снова начался период весьма активной деятельности. С той разницей, что к «тряпочным» делам (как называла я позирование в домах мод) присоединились наконец музыкальные проблемы. Приятной неожиданностью было известие, что я могу выбрать для себя фестивальную песню.

Пожалуй, стоит пояснить, каким образом проводится «отборочное соревнование» фестивальных песен. За много месяцев до того заинтересованные композиторы и авторы текстов, у которых уже есть готовая песня и исполнитель (необязательно тот же, кто будет петь ее на фестивале), начинают охоту за свободной студией грампластинок. Найти свободную студию в эту пору невероятно трудно. Добыв студию (чаще всего на строго определенное время), записывают песню на пробный диск. Разумеется, не с полным блеском, а в сопровождении всего нескольких музыкантов, только чтобы жюри могло получить общее представление о достоинствах песни.

В установленный срок, после которого уже не принимается ни одна новая песня, члены жюри усаживаются в удобные кресла, сосредоточиваются и терпеливо прослушивают по крайней мере около сотни песен. Принятыми оказываются примерно тридцать. Половина из них отпадает, и к финалу остается пятнадцать. Это те песни, которые будут бороться за первое место – за золотую медаль. Котируется только первое место. Каждую песню исполняют итальянский и зарубежный певец. Двукратное исполнение той же самой песни в двух разных аранжировках позволяет жюри более точно оценить ее.

Поскольку сейчас, когда я это пишу, продолжается Олимпиада в Мексике, а я не пропускаю ни одной передачи, невольно вертится на языке спортивная терминология: «медаль», «отборочные соревнования», «раунд», «ринг», «нокаут». Но ведь и на самом деле схожего найдется немало, да и справедливость, обязанная восторжествовать, не всегда имеет доступ как на ринг, так и на фестивальную сцену.

Что ж, недаром Фемиде завязали ее прекрасные глаза. Очевидно, затем, чтобы не расстраивать богиню.

Как я уже сказала, почти ежедневно проходили встречи с композиторами. Порой композитор отсутствовал, и тогда его замещал автор текста. Создатели песен проигрывали их мне и сами же обычно пели, выразительно помогая себе движениями всего тела (за исключением рук, которые нельзя оторвать от клавиатуры). Впрочем, я уже привыкла к тому, что в Италии нет музыкально не одаренных людей. По мере надобности здесь любой может спеть не хуже профессионала.

Довольно быстро я заподозрила также, что эти обсуждения, которым я так радовалась, вскоре обернутся для меня сплошной мукой. Не могло быть и речи о том, чтобы спокойно прослушать песню и объективно оценить ее в присутствии нахваливающего свое творение, полного энтузиазма, потного от возбуждения автора. Во всяком случае, у меня не хватало духу заявить: «Нет, извините, мне не нравится». Единственным аргументом, который я пыталась пустить в ход, был следующий: «Простите, вам не кажется, что эта песня не ложится на мой голос, что я не смогу спеть ее так, как бы вам хотелось?» Но это, как правило, не приводило к желаемому результату. В конце концов, с тяжелым сердцем, чувствуя себя ужасной преступницей, я просила дать мне время «на размышление».

На предфестивальных встречах я познакомилась со многими композиторами и авторами текстов. Все это имена, отлично известные и в Польше. Прежде всего – Доменико Модуньо, Фред Бонгусто, Пино Донаджио, В. Паллавичини, Серджио Эндриго, Джованни Д'Анци – Нестор итальянской легкой музыки и исполнитель в одном лице.

Я выбрала, наконец, две песни.

Одну – с мелодией, дававшей большие возможности голосу, с приятным текстом, разумеется о любви, но имевшим легкий оттенок философского раздумья.

Вторая песня, на которую я очень рассчитывала и которая очень мне понравилась, была как раз маэстро Д'Анци. Она представляла собой одновременно музыкальную и поэтическую импровизацию на тему одной из главных мелодий «Трехгрошовой оперы». Песня интересная, новаторская и в то же время достаточно простая, чтобы запомниться слушателю. Она отличалась от сотен других песен, в которых более или менее удачно, но все-таки всегда рассказывается об «amore grande» (великая любовь. – *Ped.*) и различных связанных с ней переживаниях...

Песню эту, как и ряд других, я записала на пробный диск в присутствии композитора и его многочисленных друзей.

Происходило это на маленькой студии, которую удалось достать Карриаджи. Тем не менее в крохотной комнате поместилось порядочно людей. Пришел Буонассизи с супругой, Д'Анци, Карриаджи с какой-то женщиной; музыканты, которые перед тем записали фон, тоже остались из любопытства.

Прослушав запись, присутствующие не поскупились на похвалы, а маэстро Д'Анци даже поцеловал меня в лоб. Заказали вино и горячее молоко, дабы «спрыснуть» будущий успех. Молоко предназначалось мне.

Услышанное потом сообщение о том, что песня маэстро Д'Анци не принята и сам он не допущен (!) до участия в фестивале, явилось как гром с ясного неба. По причинам, которые, видимо, навсегда останутся для меня тайной, эта прекрасная песня была отвергнута.

Итак, я очутилась, как говорится, у разбитого корыта – и это перед самым фестивалем! Пьетро предпринял лихорадочные поиски, но самые интересные песни уже стали чьей-нибудь собственностью. Вдруг оказалось, что еще свободна песня Фреда Бонгусто – и я получила ее в самый канун фестиваля.

Текст песни Д'Анци был уже освоен мною, слова же новой песни предстояло еще выучить. А времени оставалось мало, очень мало, я зубрила чуть ли не целыми днями, чтобы слова хоть немного «улеглись» – ведь всякий текст должен закрепиться в памяти, чтобы в минуты волнения, возникающего при выходе на сцену, «не проглотить язык».

С самых первых дней тяготела надо мной проблема фестивального платья. Еще дома я смирилась с тем, что буду выступать в своем платье, вовсе не таком уж плохом, которое никто пока не видел. Но – уже по привычке – Пьетро не согласился и привел меня в один из домов моды, где должны были быть сшиты для меня два вечерних туалета.

Я уже говорила, что всякое сопротивление с моей стороны или попытка о чем-нибудь договориться оказывались бессмысленными. Пьетро, по-видимому, попросту считал невероятным, чтобы модное платье могло быть «made in Poland». А потому, даже не осмотрев содержимое моего шкафа, принялся действовать по своему разумению.

Потянулись долгие часы примерок в салоне синьоры S., что вполне можно было бы выдержать, если бы синьора S. не аранжировала их сеансами фотосъемок в целях рекламы своего заведения. И началась «старая песня». Мой скептицизм возрастал с каждой примеркой, пока не перешел просто в отчаяние.

Мне были предложены два платья: короткое и длинное. Короткое, серебристо-белое, предполагалось оторочить по низу лебяжьим пухом. Ладно, бог уж с ней, с этой оторочкой, но на последней примерке прибавились еще и рукава из пуха, длиной до локтя, отчего мой силуэт обрел сходство с фигурой борца-тяжеловеса. В ответ на высказанные мной опасения мне был дан добрый совет внимательно следить, какая из телевизионных камер будет направлена на меня, и в соответствии с этим поворачиваться в профиль. «Пух безумно эффектен», – заключила нашу дискуссию синьора.

«Господи, – подумала я, – даже если бы не было слепящего света юпитеров, совершенно лишаящих возможности оглядеть зал, то и без того я была бы неспособна во время исполнения песни думать о телевизионной камере и высматривать, в какую сторону обращен ее красный глазок».

Неспособна, даже если бы от этого зависела моя жизнь!

Но синьора S., видимо, никогда не пела на сцене. Пух был безоговорочно утвержден Пьетро, который, впрочем, уже заплатил за него.

Длинное платье тоже не вызывало у меня восторга. Оно было сшито из коричневатой ткани, напоминающей парчу. По всему лифу были нашиты разноцветные бусинки, контрастирующие с основным тоном материала. Я чувствовала себя в нем как лошадь на цирковой арене. Единственным утешением было то, что телевидение в Италии все еще черно-белое, и я в моей разноцветной упряжи не буду видна в полной красе. Но в зрительном зале... Утешала лишь мысль, что главное ведь не в том, как одет артист, а как он поет.

С другой стороны, мне, как и зрителям, нравится, когда человек на сцене одет со вкусом. По собственному опыту знаю, что элегантный, удобный, гармонирующий с обликом наряд – очень важное условие, чтобы ты хорошо чувствовал себя на сцене. Сэнди Шоу, например,

выступает босая, мотивируя это тем, что обувь ее стесняет, хотя, по-моему, это уже несколько чересчур. Я не раз задумывалась над этим полным самопожертвования рекламным трюком моей коллеги Шоу.

Многие известные концертные залы, где проходят представления на европейском уровне, вообще не располагают никакими служебными помещениями, никакими гримерками. А ведь сцена – это вовсе не корабельная палуба, зияющая чистотой в любое время года – тогда, собственно говоря, где моя коллега моет ноги? Под краном в туалете? Ах да, я совсем забыла еще об одном способе, который наверняка использует Сэнди. Ведь можно воспользоваться личным «Ягуаром» и, добравшись до отеля, вымыть ноги там, так ведь?

Проблема платья неожиданно разрешилась удачным для меня образом. В Сан-Ремо приехала мать Пьетро, синьора Ванда Карриаджи. Однажды она сама спросила меня, как я себя чувствую в концертных платьях, нравятся ли они мне? Я пригласила ее в гостиницу и устроила небольшую демонстрацию мод. Не говоря ни слова, ничего не внушая заранее, я надела одно за другим оба платья от синьоры S., а затем свое собственное. К великой моей радости, синьора Ванда одобрила именно мое, а узнав обо всем, посоветовала мне выступать в нем, что я и сделала. Пьетро, услышав от матери, что заказанные платья просто кошмарны, беспрекословно согласился на замену.

Итак, вопрос о выборе песни и платья для фестиваля был улажен. Оставалась еще реклама, которая никогда не помешает.

Описания нарядов занимают здесь довольно много места, однако они диктуются не легкомыслием. Существуют более важные и значительные проблемы в сравнении с теми, которые занимают модниц всего мира, равно как для заинтересованных лиц форма листочка на набедренной повязке или длина волоса котикового меха могут быть вопросами первостепенной важности. Я не состою в их рядах, честное слово! Описываю все так подробно для того лишь, чтобы точнее передать атмосферу, в которой мне довелось жить.

Припоминаю позирование для рекламы в салоне моды «Burberrys». Владелец этого роскошного салона, поздоровавшись, сразу же сообщил мне, что у него одевается сам князь Филипп. Должна признать, что, действительно, туалеты, в которых я фотографировалась, были во всех отношениях лучшего качества! Цены соответственно высокие, но владелец не забывает также и о самом многочисленном потребителе, не располагающем в массе своей фантастическими суммами, – о молодежи. Во время фестиваля показ молодежной моды решено было использовать для рекламы песни. Естественно, что одновременно это неплохая реклама и для владельца салона. За стеклом витрины – на фоне курток, рубашек с пейзажами, кепочек и других предметов – вмонтировали мою огромную цветную фотографию. Кое-где были выставлены мои пластинки – из тех, что записывались накануне фестиваля. Само собой, появилась и фотография, где я была снята вместе с владельцем салона «Burberrys». Согласно его пожеланию, я должна была сниматься сидя, ибо его рост не достигал метра шестидесяти.

Фотография была превосходная, цветная, словно вынутая из альбома прошлого столетия. С той только разницей, что на снимках тех времен мужчина обыкновенно сидел, а женщина стояла рядом, положив руку на его плечо. У нас получилось наоборот, в силу упомянутого выше обстоятельства.

Итак, я сидела в красном, как маков цвет, плащике военизированного покроя, обутая в черные, до колен сапоги. В соответствии с требованиями моды сапоги должны были быть выше колен, но, к сожалению, у меня слишком длинные ноги. Голову мою украшала черная кепочка с козырьком. Слева от меня, положив руку на погон, напоминающий большой эполет, стоял вытянувшись в струнку, с улыбкой от уха до уха повелитель – мужчина.

Ах, как же в Италии почитают, обожают, буквально носят на руках особу мужского рода! На мой взгляд, итальянцы слишком глубоко прониклись духом библейских догматов, слишком

уверовали в то, что женщина создана для мужчины – при всех условиях, без всяких исключений.

В другой раз Рануччо привез меня на фотосъемки в цирк, расположенный на далекой окраине Милана. «Богатая международная программа с участием экзотических зверей», – прочитала я на огромных афишах перед входом.

Вскоре я уже сидела под куполом гигантского цирка и – как это случалось довольно часто – ждала. Сперва даже не знала, кого и чего. Потом мне удалось вытянуть из Рануччо, что ждем фоторепортера к условленному часу, который давно минул. Тем временем другие исполнители, участники фестиваля в Сан-Ремо, уже снимались для рекламы.

Поскольку ни одна ситуация в этих съемках не должна была повторяться, мне посчастливилось посмотреть разнообразную цирковую программу, правда в этот раз предназначенную быть только фоном для певцов и композиторов. Чрезвычайное впечатление произвел на меня огромный индийский слон, который терпеливо позволял целому ансамблю с гитарами карабкаться себе на спину. Солистка предпочла сняться внизу, рядом с хоботом: очевидно, ей не достало фантазии, а быть может, и... храбрости. Я бы тоже, наверно, струсила. Поначалу меня это забавляло, однако время шло, а фотографа моего все не было, между тем как в клетках оставались уже одни только львы да тигры. Порой они давали о себе знать вполне недвусмысленным образом! Заманчивое знакомство с ними все-таки не состоялось. Фотограф просто-напросто вообще не явился.

Я была очень этому рада. Зверей я люблю и потому считаю, что цирк – одно из наименее достойных изобретений существа, которое кичится тем, что занимает высшее место на древе эволюции. Впрочем, дрессировка продолжает оставаться излюбленным занятием человека. Если под рукой нет зверя, создания, наиболее пригодного для этой цели ввиду его беззащитности, люди со страстью дрессируют друг друга. И занимаются этим испокон веков. Полагаю, что эта склонность родилась еще во времена, когда хвост оказывал нам неоценимую услугу при перемещении с ветки на ветку. Не буду приводить примеров – жизнь и так полна ими.

Однажды в разговоре о приближающемся фестивале Пьетро заметил, что неплохо бы снять коротенький фильм для рекламы. Я сразу же подумала о Зосе Александрович-Дыбовской, единственном знакомом мне лично настоящем кинорежиссере. С Зосей я познакомилась в процессе съемок короткометражного фильма «Морские приключения», который она режиссировала. Познакомилась – это слишком слабо сказано. Нас связала и подружила суровая «мужская» жизнь на «Молнии». Я с чистой совестью называю «мужской» нашу жизнь, ибо с утра и до вечера находилась на палубе «Молнии» в форме капитана военно-морского флота.

Это был музыкальный, развлекательный фильм. У меня в нем была эпизодическая роль капитана, которого видит во сне главный герой фильма. Играл его Казик Брускевич. Кроме того, я пела песенку Марека Сарта «Слова».

Погодные условия совершенно нам не благоприятствовали, как чаще всего бывает во время съемок на Балтике. Мне было известно из газетных заметок, из рассказов знакомых актеров, что здесь случается целыми днями ждать солнечного лучика, просвета среди туч. А нам, наоборот, требовались тяжелые, свинцовые тучи, нависающие над взбудораженным морем и над... судьбой поющей женщины. И необходимы-то они были лишь для первой половины песни, потому что во второй части – солнце, радость, птицы, возвращающиеся в свои гнезда. Мы без затруднений отсняли мажорные эпизоды – лето в том году было просто изумительное, отвечающее всем канонам курортной жизни.

А затем потянулись дни долгого, безнадежного ожидания. «Ну хоть бы самый дохленький циклончик возник», – вздыхала Зося, поглядывая на небеса.

Он появился – в предпоследний день съемок и отнюдь не «самый дохленький». Ураганый ветер, гнавший по небу облака, пронизывал до костей, едва не срывал одежду, заставлял судорожно цепляться за борт. В довершение этого ветер, по-видимому, дул прямо из края

северных медведей, так что у Зоси и операторов из-под капюшонов морских комбинезонов виднелись только кончики носов. В это время я в шифоновом платице должна была делать вид, что мне совсем не холодно, и стараться не стучать зубами. Посему не будет преувеличением сказать, что наша дружба с Зосей закалилась, как сталь высшей марки, в трудных походных испытаниях. Правда, боролись мы не с врагом, а главным образом со стихией и... некоторыми мелкими проявлениями бюрократии.

Беседуя с Пьетро о фильме, я моментально вспомнила «Морские приключения», свои «капитанские подвиги» и поняла, какая великолепная может возникнуть оказия. «Увижу Зосю, – размышляла я, – поболтаю по-польски, узнаю, что нового в Варшаве и какие оценки приносят из школы Зосины дочки – Мися и Малгося. А может, Зося даже привезет мне ржаного хлеба?»

В Италии моего любимого черного хлеба нет, и я вдруг стала чувствительно ощущать его отсутствие.

Пьетро пошел на то, чтобы пригласить Зосю вместе с оператором, и вот в моей жизни внезапно засиял лучик радостной надежды на предстоящую встречу.

На другой день благосклонная судьба подарила мне еще одно приятное известие – в Сан-Ремо приезжает директор «Пагарта», пан Якубовский.

В назначенный день перед гостиницей остановилась машина CDI. Портье отнес туда мой чемодан. Бармен Джузеппе и служащие из рецепции, улыбаясь, пожелали мне успеха.

Путешествие в Сан-Ремо оказалось не столь изнурительным, как прошлый раз в Канны. Может быть, потому, что теперь не было причины торопиться, а главное, вероятно, потому, что машину вел не Пьетро, а профессиональный шофер. Без сомнения, Пьетро умеет водить машину, с одной только особенностью: он любит резко и часто тормозить. Едущему с Пьетро пассажиру всегда грозит если уж не расплющить нос о стекло, то беспрерывно подавлять тошноту.

Поэтому на сей раз дорога была спокойная, без вынужденных остановок. В Сан-Ремо мы прибыли поздно вечером. Это типичный курортный городок, объект для туристов. Здесь больше гостиниц – как очень, так и не очень роскошных, – чем обыкновенных жилых домов. Бесчисленное множество маленьких пансионатов, кафе, лавочек с сувенирами, пляж с разнообразными необходимыми для туристов услугами – все указывает на то, что постоянным жителям Сан-Ремо отведена здесь функция статистов, а заглавную роль играет турист, приезжий, гость, клиент.

Фестиваль песни в Сан-Ремо происходит в феврале. Маленький садик при гостинице приветствовал нас сочной зеленью деревьев и кустов, готовых со дня на день зацвести. Недоставало только соловьев. Было очень тепло. Какая же это приятная неожиданность лично для меня! Я ликовала прежде всего потому, что уже успела несколько раз порядком продрогнуть под лазурным небом Италии.

В 1962 году меня направили на двухмесячную стажировку в Рим. Правда, я, будучи еще студенткой, уже посетила Италию по двухнедельной туристской путевке, но поездка пришлась тогда на конец сентября, и небо было в самом деле лазурным и знойным. В качестве же стипендиатки я приехала на зимние месяцы: на январь и февраль.

Стипендия была скромной, и ее хватило нам лишь... но, прошу прощения. Снова я вынуждена сделать отступление.

Перед отъездом мне сказали в Министерстве культуры, что я – счастливица, поскольку полечу в Рим не одна. Еще должна лететь пани Ханна Гжесик из Люблина, которая получила стипендию на четыре месяца. Пани Ханна – искусствовед, специалист по реставрации произведений искусства. Позднее она примет участие в спасении ценных картин во Флоренции, но тогда мы еще об этом не знали.

И действительно, мне посчастливилось лететь с Ханной, ибо, окажись в Риме одна, я вернулась бы в Варшаву первым же самолетом польских авиалиний.

Спустя три часа мы приземлились в Риме. Было солнечно, довольно тепло, шумно и... Все по-иному. Мы обменяли свои пять долларов на лиры, а затем, оставив чемоданы в камере хранения, поехали в центр города. Верно, я знала фамилию сотрудника «Радио Итальяна» (РАИ), к которому мне надлежало обратиться, но его в тот день не оказалось на месте. Предыдущие стипендиаты дали нам несколько адресов, где можно было бы поискать жилье. Я сохранила – со времен моей студенческой поездки – план Рима, который очень нам пригодился. И мы отправились блуждать по городу, где автобусом, где пешком, так как запасы валюты были весьма ограниченными. Вечерело.

Наконец мы нашли то научное учреждение, куда должна была обратиться Ханя. Но синьора председателя ученого совета уже не оказалось на месте. Надо было ждать, пока его оповестят да пока он доберется сюда из отдаленного района, где жил.

Мы вышли на улицу, купили себе полкилограмма мандаринов и, усевшись на скамье, принялись поедать их. Это была маленькая площадь недалеко от улицы Кавура (via Cavour). Там росло несколько деревьев и резвились ребятишки – под надзором очень миловидной, стройной негритянки. Было уже поздно, а ели мы только один раз, днем, в самолете, да и то мало – от возбуждения.

Сколько бы раз потом ни доводилось нам проходить мимо этого места, мы всегда расстроганно улыбались, вспоминая название, которое дали той маленькой площади. С вечера того дня она стала для нас «площадью Мандаринов».

Наконец приехал синьор председатель и самолично вместе с нами принял участие в поисках жилья. В конце концов, мы поселились в маленькой, довольно темной комнатке на той же улице Кавура. На другой день отправились за стипендией. Мне выдали шестьдесят тысяч лир, которых должно было хватить на два месяца. Ханя получила свои лиры лишь немалое время спустя. Что поделаешь, сказали мы сами себе, видимо, бюрократия существует повсюду – наверняка даже в африканском буше. Но мы не расстроились. Крыша над головой была, деньги на квартиру тоже, синьора Бианка разрешала нам иногда приготовить что-нибудь горячее, памятники и произведения искусства в Риме на каждом шагу... а продуктовые посылки нам слали наши мамы из Польши, притом весьма регулярно – ведь не одним искусством жив человек.

«Жизнь прекрасна», – заключили мы, справившись с первыми трудностями.

Но вскоре наша радость потускнела. В римских домах каменные плиточные полы и полное отсутствие обогревательных приборов. Стояла дождливая, промозглая погода. Ртутный столбик, правда, никогда не опускался ниже нуля, но в нетопленной комнате холод пробирал до костей, холодом веяло из каждого угла... Была и ванна, очень даже красивая, но из кранов текла ледяная вода. Переболев несколько раз жестоким гриппом, я стала ложиться спать одетая, как Амундсен во время путешествия на Северный полюс, только, увы, у нас в отличие от него не было спальных мешков.

Единственной покупкой, которую я могла себе позволить, были шерстяные носки, которые надевала на ночь.

Не могу не вспомнить об очень забавном эпизоде (забавным-то он, конечно же, видится теперь, в ретроспективе). Примерно через месяц, перенеся не одну простуду, устав от хронического насморка и хрипоты, мы достали, наконец, адрес, где тоже сдавалась комната. Дом, в котором нам предстояло жить, находился в очень бедном районе. Он был старый, но теплый, с горячей водой. Насколько помню, в нем помещалась маленькая пекарня – отсюда и вождеденное тепло. Вечером мы сложили свои чемоданы и переехали на нашу новую квартиру.

Дом, в самом деле, был ветхий, с низкими потолками – входя внутрь, я вынуждена была нагибаться. Длинный, темный, извилистый коридор и царствовавший там спертый воз-

дух несколько омрачили нашу радость. Минувя один из его закоулков, я едва не споткнулась о длинные, тощие ноги старика, вытянувшегося на своем «ложе» у стены. Наша комнатка была в самом конце коридора. Хозяйка, такая же говорливая, как и синьора Бианка, суетясь, расхваливала свои апартаменты. «Уж тепло вам здесь будет, как в гнездышке. Это самый теплый уголок во всем доме. Тут до вчерашнего дня жила наша бабушка, вот на этой кровати и спала. Увы, вчера она уснула навеки. Теперь мы можем сдать эту комнатку, но хотим, чтобы все тут оставалось на своих местах, как при ее жизни. Сейчас я сменю белье!» С этими словами, не переставая улыбаться, хозяйка выбежала из комнаты.

Мы оказались одни среди бабушкиных вещей и святых образков, тесно развешанных по стенам. Даже ее шлепанцы еще стояли в углу. На громоздком старом комоде тикал массивный будильник, притом так громко и назойливо, что я не выдержала, схватила его и, открыв ящик комода, быстро засунула туда, после чего вздохнула с облегчением. Все это время он страшно действовал мне на нервы – я даже не могла сосредоточиться на том, что говорит хозяйка. Взглянула на Ханю. Она сидела, сгорбившись, опустив голову, бессильно свесив руки. В ее глазах стояли слезы. «Аня, – сказала она с отчаянием в голосе, – я здесь не выдержу. Пошли назад, в наш холодильник».

Я с готовностью подхватила чемодан, потому что и сама хотела просить ее о том же самом.

Синьора Бианка ограничилась краткой триумфальной речью – наше поражение было слишком очевидным. Она великодушно приняла нас обратно.

Спустя час раздался взволнованный, тревожный телефонный звонок из пекарни. «Синьоры украли бабушкин будильник! Он стоял на комоде, а теперь исчез. Возвратите немедленно!» Мне с трудом удалось растолковать, где он находится. Труднее оказалось объяснить, как он там очутился, поскольку у меня не хватило запаса слов, а у хозяйки, по-видимому, чувства юмора.

Синьора Бианка была энергичной особой. Она довольно рано овдовела и одна воспитывала двоих детей: дочь и сына. Сын, по профессии парикмахер, задумал поехать в Соединенные Штаты, поискать лучшей доли. Синьора Бианка сперва подробно расспросила Ханю, где эта Америка, а выяснив, что это так далеко от Рима, разыграла такую сцену отчаяния, что немногие актрисы, следуя заветам самого Богуславского (Войцех Богуславский (1757–1829) – польский режиссер, актер, педагог, один из основателей польского профессионального театра. – *Ред.*), могли бы с ней сравниться. Однако довольно скоро она смирилась с решением сына и с удвоенной энергией принялась собирать приданое для дочери. Свадьба должна была состояться этим летом. Устроив дочь, синьора Бианка намеревалась сама второй раз выйти замуж.

У синьоры Бианки не было никакой профессии, тем не менее, она с успехом обеспечивала семью, продавая цветы, а также сдавая в аренду две из трех комнат своей квартиры. Была гордой обладательницей легковой машины, на которой ездила за покупками, а по воскресеньям – в отдаленные парки, где гуляло много влюбленных пар, и можно было удачно распродать цветы. Машина ее выглядела примерно так, как та, на которой ездил Жак Тати в фильме «Каникулы господина Юло». Раз солнечным воскресным днем пани Бианка пригласила нас проехаться с ней в один из прекрасных парков.

Я не могла воспользоваться приглашением, ибо была сильно простужена. Ханя же поехала. Разумеется, не даром. Потом она рассказала мне, что ей было поручено связывать фиалки в букетики, в то время как синьора Бианка, выказывая чудеса дипломатии, распродала свой «товар». «Ты не можешь себе представить, какой она психолог, – смеялась Ханя. – Ей известны тысячи способов заставить своих соотечественников купить цветы, и она точно знает, когда употребить тот или иной прием». Лучшим тому доказательством были пустые корзины.

Хочу, кстати, пояснить, в чем заключалась моя стажировка. Стипендию на два месяца я получила по предложению нашего Министерства культуры и искусства. О том, что итальянское правительство утвердило мою кандидатуру, я узнала от Хенрика Потоцкого и Яна Награбецкого – сотрудников министерства, которые на всех этапах моей «карьеры» дарили меня вниманием и симпатией. Это было особенно ценно в ту пору, когда я еще только начинала петь и моя персона вызывала противоречивые мнения.

Раньше я слышала о том, что в Италии стажировались наши оперные артисты, но чтобы эстрадные певцы – никогда.

Я была первой.

Это обстоятельство сказалось еще во время визита на «Радио Италия». Карло Бальди, к которому я должна была обратиться, принял стипендиатку из Польши очень любезно, угостил чашечкой «капучино» и наконец, умолк, явно озабоченный тем, как быть дальше. После долгих раздумий он решил переложить бремя со своих плеч на плечи коллег. Я посетила еще несколько прекрасно оборудованных кабинетов, вызывая замешательство на лицах моих собеседников. Они попросту не знали, что со мной делать.

Стипендии хватило, только чтобы платить за жилье и весьма скромно питаться (разумеется, не без помощи содержимого присылаемых мне из дома посылок). О частных занятиях пением не могло быть даже и речи. Наконец постановили, что коль скоро я приехала и не располагаю средствами для обучения, то надо предоставить мне возможность посмотреть разные полезные вещи. Таким образом, я обрела право посещать радиопредставления (между делом показали мне всю студию). Однажды меня привезли на самую крупную фабрику грампластинок под Римом, познакомили с итальянскими певцами и певицами и даже позволили ассистировать при записи. Совершенствование моего вокала свелось к осмотру очень современной архитектуры всего комплекса зданий фирмы и к более глубокому ознакомлению с великолепной аппаратурой для грамзаписи. На том, собственно, все и кончилось, ибо началась забастовка работников радио и телевидения, которая совершенно парализовала всю жизнь искусства. Так что я была в прямом смысле не у дел!

Сколько времени продлится забастовка, было неизвестно, поэтому я стала сопровождать Ханю, занимавшуюся интересной работой. Побывала в реставрационной мастерской, где вместе с ней слушала лекции на темы очень важные, но для меня, дилетантки, несколько загадочные. Наблюдала кропотливую работу по реставрации фресок в церкви. С изумлением смотрела, как Ханя, ни секунды не колеблясь, необыкновенно ловко взбиралась вверх по приставной, не внушавшей ни капли доверия лестничке под самый потолок, чтобы разглядеть в деталях какой-то фрагмент приоткрывшейся фрески. По-моему, на визитной карточке Хани следовало написать: реставратор-каскадер (пожалуй, лучше в обратном порядке!).

Я ходила с ней на экскурсии в музеи и соборы, подтвердив даже известную поговорку, что нельзя «быть в Риме и не видеть Папы». По случаю праздника Пасхи Папа прочитал публичную проповедь, для чего были построены специальные трибуны у стен Колизея.

На это торжество собралась огромная, многотысячная толпа. Весь Колизей был освещен изнутри. Прекрасное, хотя и несколько жутковатое зрелище! Казалось, что колонны пылают, а каменный амфитеатр ожил под оранжевым светом прожекторов. Толпа гудела, недоставало только диких львов на арене. Конечно, передо мной были не римляне эпохи Нерона, но все же... настоящие римляне, похожие на своих предков и темпераментом и любовью к зрелищам. Именно к масштабным зрелищам! Окружавшие меня римляне рассматривали выступление Папы прежде всего как крупное, важное зрелищное событие.

Так что я вернулась из Рима в Варшаву, обогатившись впечатлениями, но по части вокала не усовершенствовавшись.

Я не сожалею об этом. Я ничего не хотела бы менять в своей манере исполнения. Хочу остаться эстрадной певицей. У меня поставленный от природы голос, у меня выработался свой метод работы над песней, над ее исполнением. Занимаюсь этим делом сама, и хотя охотно выслушиваю все замечания (различия во мнениях, дискуссии, как известно, необходимы, чтобы двигаться вперед), но принимаю те из них, которые в принципе соответствуют моему характеру.

Я неоднократно убеждалась, что самое обоснованное, самое интересное новшество, воспринятое вопреки внутреннему убеждению, дает обратный результат.

Большую пользу принесли мне выступления «на периферии», происходившие в самых разных, подчас контрастных условиях: то в трескучие морозы, то душным летним вечером, перед разной, неодинаково реагирующей, но всегда одинаково сердечной публикой. Написанное здесь отнюдь не свидетельствует о моем самодовольстве. Я только хочу сказать, что певец должен прежде всего сам знать, какую выбрать дорогу, и затем последовательно осуществлять свой план. А это вовсе не так легко, как может показаться. За каждой, внешне очень простой песенкой скрываются долгие часы трудов, размышлений, поисков.

Мое первое пребывание в Милане также пришлось на период холодов и туманов – на ноябрь и декабрь. В Милане холодней, чем в расположенном много южнее Риме. Здесь даже часто выпадает снег, который, впрочем, довольно быстро тает. В гостинице было холодно, мне пришлось попросить еще одно одеяло. Вот почему зелень, солнце, двадцать градусов тепла так очаровали меня в Сан-Ремо. Но поскольку все же стояла зима – по крайней мере, согласно календарю, – то по улочкам городка прогуливались дамы из так называемого высшего света, разодетые в столь же великолепные, сколь и дорогие меха – нечто вроде нескончаемой демонстрации мехов. И все это под теплыми лучами солнца, на фоне зеленеющих кустарников, деревьев, листва которых даже не собиралась сменить свой сочный зеленый цвет на какой-либо иной!

Со следующего дня начались репетиции с оркестром в зале, знакомом мне по телевизионным передачам. Как обычно, уже с утра я ощутила волнение, на этот раз, пожалуй, не без повода. Дома, в Польше, я очень любила репетиции: ведь и ответственность еще не та, и публики в зале нет, есть возможность все повторить, все исправить. Особенно приятными были репетиции в «Лесной опере», в Сопоте. Уже спозаранку от «Гранд-отеля» к «Лесной опере» и обратно начинал регулярно курсировать маленький автобус, предназначенный для участников фестиваля. Не премину, кстати, отметить, что ни разу за рубежом я не встречала такой хорошей организации фестивалей. Итак, приезжаешь в «Лесную оперу». Огромный зрительный зал пуст, лишь белеют ряды сидений. Сквозь полотняную крышу там и сям пробиваются неяркие солнечные лучики. Эта чудесная полотняная крыша, разрисованная широкими, пастельных тонов полосами, надежно оберегала не только от дождя, но и от солнца, которого, увы, не бывало в избытке. Во всяком случае, я как-то не припоминаю, чтобы в дни сопотских фестивалей стояла жара.

Но позволю себе еще несколько слов о крыше. Так вот, эта крыша всегда напоминала мне наполненный ветром парус, особенно когда я стояла на возвышении у микрофона и видела перед собой лишь полосатый тент, а позади него – небо.

Очень нравились мне репетиции в Сопоте...

За дирижерским пультом – лучший друг и опора всех исполнителей – пан Стефан Рахонь, его оркестр – преданные, дружелюбные, всегда готовые помочь музыканты. Внизу, возле сцены, – озабоченные, хлопотливые труженики телевизионной группы, несколько фоторепортеров, режиссеры, ожидающие своей очереди участники фестиваля. И ни единого недоброжелательного человека, чье присутствие могло бы отрицательно повлиять на твоё настроение!

К сожалению, в жизни все, как правило, свершается без репетиций. Даже в воспоминаниях трудно мне расстаться с родиной, но – «дело есть дело».

Итак, возвращаюсь в Сан-Ремо. Хотя – нет. Пока еще нет...

Воспользуюсь тем, что, по крайней мере, в воспоминаниях имею право свободно передвигать барьеры времени. Немного задержусь на родине и опишу, коль скоро подвернулся случай, свой путь к песне.

Еще перед окончанием школы я часто задумывалась, какую профессию избрать. Меня всегда привлекала живопись, скульптура, металлопластика, художественная керамика. Так что, окончив школу, я подала документы на отделение живописи при Вроцлавской высшей школе искусств.

Но, хорошо поразмыслив, мы с мамой решили, что следует избрать более «конкретную» специальность, которая в будущем обеспечивала бы твердый кусок хлеба, тем паче, что у меня не было родственников, на которых я могла бы рассчитывать в какой-нибудь непредвиденной жизненной ситуации. Одно сознание, что у тебя есть семья, которая в случае чего окажет тебе помощь, действует успокаивающе, хотя, естественно, рассчитывать надо прежде всего на себя. Это было слишком хорошо известно моей маме, которая с ранней юности должна была все решать самостоятельно и опираться лишь на собственные силы.

«Видишь ли, – рассуждала мама, – чтобы существовать на заработок художника, нужно стать известным мастером, чьи работы быстро раскупаются. А такое время не наступит скоро и даже... может быть, никогда не наступит, хотя рисуешь ты, по моему мнению, очень хорошо».

Я взяла документы назад. Сдала экзамены на геологический факультет. Обучение там длится шесть лет; специальность интересная и «конкретная», в программе – широкий спектр знаний из различных областей наук: от философии, логики, иностранных языков через курс высшей математики, физику, химию, биологию и социально-экономические вопросы до сугубо специальных предметов.

А кроме того, студент-геолог должен уметь препарировать лягушек (сперва скажу о том, что было для меня самым трудным) и не только делать логические выводы из научных рассуждений, но и толковать их в соответствии с принципами логики.

Он должен знать не только о том, что Ксантиппа была женой Сократа, но иногда процитировать некоторые его мысли. Должен не только нарисовать криволинейный интеграл, но в случае необходимости применить его на практике.

Не помешает знать иностранные языки – они полезны при изучении обширной специальной литературы. Весьма пригодится умение зарисовать профильный разрез скалистого склона. А разве плохо – научиться песням, которые поются у костра? За кружкой горячего чая они звучат, как нигде на свете (даже в сравнении с наилучшими концертными залами мира). Излишне, пожалуй, добавлять, что будущему геологу лучше иметь жизнерадостный, спокойный характер.

Впрочем, здоровая физическая нагрузка, скажем двадцатикилометровый марш, с перерывом для напряженных умственных усилий при определении отдельных пород или поисков окаменелостей, принадлежащих минувшим геологическим эпохам, может даже самого мрачного меланхолика привести в состояние полнейшего душевного равновесия. А если в скале обнаружится контур искомой окаменелости или даже ее фрагмент – ощущение безграничной радости человеку обеспечено.

Геология, как известно, наука о земле. Но речь идет вовсе не только о строении земли, о взгляде в ее глубь. Чтобы понять процессы, происходящие там, в сердце вулканов, на дне моря и еще глубже, надо ориентироваться в том, что происходит на поверхности земли, во всем, что касается человека, являющегося частицей природы – земли, оказывающего немалое влияние на формирование ее облика. Поэтому ничто человеческое не чуждо геологу. Знания, полученные в течение академического года на лекциях, семинарах, в лабораториях, закрепля-

ются летней практикой, выездами «в поле». Эти выезды происходят целыми группами, которыми руководит профессор или ассистент.

Летняя практика оставила у меня самые приятные воспоминания, несмотря на то, что рюкзак с пробами грунта бывал частенько весьма тяжел. Я забыла добавить, что геолог должен быть сильным. Необязательно культуристом, но крепкие мускулы иметь неплохо, а уж иммунитет против мороза, дождя и пронизывающего ветра во время многокилометровых переходов с полным снаряжением – просто обязательно.

Приобретенная таким образом физическая закалка, несомненно, пригодилась мне, когда мы ездили с концертами по городкам и селам Жешувского воеводства. Особенно в зимнюю пору.

После третьего курса у нас была неременная практика в угольных шахтах. Вместе с двумя другими девушками я получила направление на шахту «Анна» в Верхней Силезии. На нашем курсе девушек было больше, нежели юношей, несмотря на то, что это скорее мужская специальность. (Теперь-то я должна это признать!)

Руководство шахты приняло нас очень тепло, обеспечило жильем в гостинице, питанием и... Время от времени практикой в забое.

Первый «визит» туда явился для нас тяжким испытанием. Молодой шахтер, который нас сопровождал... минуточку, здесь, похоже, нужно подыскать иное слово, потому что мы ведь не шли – мы ползли на животе, неловко помогая себе локтями и коленями, которые к вечеру распухли. Мне приходилось гораздо трудней, чем маленькой, миниатюрной Богусе или немногим отличающейся от нее Янечке. Ох, и досталось нам тогда!!

Зато последующие дни мы отлеживались в своем номере с абсолютно чистой совестью, дожидаясь, когда заживут наши руки и ноги.

Мы испытывали даже нечто вроде удовлетворения, даже, пожалуй, гордость от сознания хорошо, самоотверженно исполненного долга. Все закончилось благополучно. После этой практики мое уважение к шахтерскому племени многократно возросло. Восхищали их мужество, выдержка, чувство товарищества, свойственные представителям этой одной из наиболее тяжелых для человека профессий.

Нередко мне задают вопрос: «Не жалеете ли вы, что не стали геологом? Ведь вы не работали и дня по своей специальности. Разве это не зря потраченное на учебу время?»

Отнюдь. Время было затрачено не напрасно. Напротив, я очень рада, что мне было дано хоть на краткий миг заглянуть в интереснейшую книгу, какой является наука о нашей земле. Это позволило мне узнать о многих проблемах, касающихся жизни на планете – ныне и в минувшие эпохи. Другие науки и занятия, более необходимые для меня сейчас, например музыка или живопись, не расширили бы настолько мой кругозор, не укрепили бы мое мировоззрение в той мере, как геология.

Незадолго до окончания университета, на очередном вечере поэзии и музыки, в котором я принимала участие, ко мне обратился коллега Литвинец, режиссер и актер в одном лице, с предложением сотрудничать в его «Каламбуре». Я очень обрадовалась, ибо это означало войти в коллектив, который существует, совершенствуется и у которого интересные и престижные планы. Вместо ожидания случайной okazji спеть будут регулярные репетиции со всем ансамблем, и я стану пусть и самой маленькой, но все же полезной частицей хорошо отлаженного, деятельного коллектива.

Я стала ходить на репетиции. Как раз приближалась ювеналия (весенние студенческие праздники. – *Ped.*), и «Каламбуру» предстояло показать свою программу в Кракове, а посему репетировали интенсивно и подолгу. На репетиции, естественно, собирались поздним вечером, после того как заканчивались занятия в различных вузах Вроцлава. Я должна была петь две песенки собственного сочинения. Вскоре, однако, я поняла, что не в состоянии увязать

учебу с моими новыми артистическими задачами, прежде всего потому, что на последнем курсе работы было неуворот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.